

КРИВОПАЛОВ
Олег Владимирович

Родился 5 февраля 1950 г. в городе Троицке Челябинской области. Окончил среднюю школу 23 в Челябинске. После окончания школы поступил в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. С 1972 года проходил службу на различных офицерских должностях в Туркестанском военном округе в частях специального назначения ГРУ ГШ. В 1979 году окончил Военно-политическую академию, продолжил службу в спецназе ГРУ. С 1987 года по 1989 год принимал участие в боевых действиях в Афганистане - начальник политотдела 15-й ОБрСпН, с августа 1988 года - заместитель Члена военного Совета - начальника политотдела 40-й армии. После Афганистана проходил службу в Киевском военном округе. С 1991 года - уполномоченный представитель Кабинета министров Украины в Днепропетровской области. Полковник запаса с 1996 года.

Вывод войск из Афганистана.

Май 1988 г. - февраль 1989 г.

Мне довелось выходить из Афганистана дважды: в первой колонне 18 мая 1988 г. и 15 февраля 1989 г. в последней колонне советских войск. Впечатления были очень яркими и в корне отличающимися друг от друга. В чем отличие, думаю, вам будет интересно прочитать?

...Май месяц в том году показался нам очень жарким. В условиях стопроцентной влажности в районе Джелалабада в 8 утра температура в тени уже была плюс пятьдесят градусов, а влажность — сто процентов.

Даже нашим ребятам, привыкшим к экстремальным условиям и высоким температурам, грозили тепловые удары. Особенно тяжело им приходилось на боевых. А откуда взяться тени в голых скальных горах, когда солнце в зените, а ты на вершине? Поэтому такие случаи, тепловые удары, и даже смерть от солнечных лучей были не единичны. И это было серьезной проблемой выживания. Человека не просто надо было срочно спасать, а оказывать немедленную медицинскую помощь. В таких случаях, если позволяли обстоятельства, пострадавшего спускали вниз, делали это как минимум два, а чаще три солдата. Почти бездыханное тело они передавали из рук в руки, поочередно занимая новую, «ступенькой» ниже, площадку и подхватывая ношу так, чтобы не упустить ее в пропасть, да и самому не свалиться. Внизу у реки его раздевали, укладывали на плащ-палатку и отливали водой. А если этого не могли сделать, то в часть возвращалось безжизненное тело.

Как правило, «жертвой» солнца становились физически слабо развитые, неупитанные солдаты. А солдат десантник не может быть упитанным. Нормальный спецназовец – поджарый как волк, без лишнего грамма веса.

В конце апреля 1988 года боевая деятельность спецназа сворачивалась. Все меньше групп выходило в засады и вылетало на боевое патрулирование. Все больше бойцы и офицеры проводили времени в парках боевой техники. Полным ходом шла подготовка к выводу бригады на территорию СССР.

Первыми движение начали асадабадцы. 23 апреля, в третью годовщину гибели в Мараварском ущелье роты капитана Цебрука, однодневным переходом по маршруту Асадабад - Джелалабад пришла потрепанная колонна, под командованием подполковника Владислава Гилуча. Прибывшие, расположились лагерем на одной из площадок в предгорье за городком 154-го отряда. В ходе марша, который шел очень медленно, вскрылись

технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию батальона с заместителями по техчасти предстояло до 15-го мая сделать невероятное – отремонтировать всю матчасть. В батальоне на тот момент осталось 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2) и 74 автомобиля. В строю числилось 485 человек личного состава, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Отсутствовали 18 военнослужащих, находящихся в госпиталях по причине ранений и болезней. Их эвакуацией централизованно занималась медслужба 40-й армии. К этому моменту все служащие СА уже были отправлены в Союз самолетами.

Городок отряда спецназа, оставленный в Асадабаде, представлял собой жалкое зрелище: он был весь перепахан снарядами и минами. Торчали сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Единственно сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским властям. В автопарке навсегда остался ржавый металл из сгоревших автомобилей и боевых машин. Особенно тяжелое время пришлось пережить разведчикам за три месяца до вывода войск. Непрерывные обстрелы изматывали психику и увеличивали количество пострадавших.

Только 14 апреля в 14.20 во время обстрела ППД Асадабадского батальона было зарегистрировано 11 попаданий реактивных снарядов в автопарк. Сгорели два Зил-131, а у шести бэтэров осколками искрошило колеса. Но самое страшное произошло в районе казарм. В одно из укрытий, в котором скрывался от обстрела личный состав, влетел и разорвался реактивный снаряд. Его осколками были изуродованы шестеро разведчиков: рядовые Коржаков И.И., Левшук В.И., Дорофеев Э.Д., Камбуров В.В., Домилов Н.Н., Абрамян Т.И. При этом двое из пострадавших потеряли нижние конечности и находились в тяжелейшем состоянии. Один из бойцов лишился глаз...

Всех раненых на вертолете вывезли в госпиталь на «Сеялку» (66-я омсбр, г.Джелалабад). С каждым днем действия противника становились более наглыми, масштабными и скоординированными по месту и времени. Так в ночь с 23 на 24 апреля, считай на плечах уходящего из Асадабада спецназа, моджахеды перенесли свою подрывную деятельность из Кунара в провинцию Нангархар. Они совершили спланированные по времени налеты на советские и афганские части в Джелалабаде...

В 2.20 ночи была предпринята попытка налета на территорию штаба бригады. Группа моджахедов обстреляла часового 5-го поста рядового Белова. В стену рядом с солдатом одновременно попали четыре пули и трассер. Но Белов не пострадал, чудом, в этой ситуации, оставшийся живым, часовой сумел победить свой страх, занять позицию для стрельбы из окопа и расстрелял 24 патрона... тем самым успешно отразив нападение – рассеяв нападающих. Примерно в это же время, в районе Соловьиной рощи на дороге ведущей с аэродрома в городок штаба бригады подверглась обстрелу из засады наша колонна. Среди пострадавшей техники оказался и мой служебный автомобиль Уаз-469, получивший серьезные повреждения. Утром, после технического осмотра, автомобилисты сделали заключение, что он не подлежит восстановлению. В итоге - автомобиль разобрали на запчасти. К великому счастью в обстрелянной колонне никто не пострадал. Все закончилось только нервной встряской...

Неспокойно было и в горах. С началом перестрелки в районе Соловьиной рощи и Шамархеля, была обстреляна и дежурная смена станции тропосферной связи Р412(А) отряда спецрадиосвязи бригады, находящаяся на выносном посту "Роза" на вершине горы. После успешного отражения нападения, бойцы прапорщика Неупокой, потушили возникший пожар, и с рассветом спустили в 154-й отряд раненого и обгоревшего солдата. Синхронно в самом Джелалабаде ночную тишину разрезали автоматные очереди. Это моджахеды совершили нападение на несколько постов караула 11-й пехотной дивизии. В ходе перестрелки один часовой погиб, и трое «сарбозов» получили ранения различной тяжести.

Вот на таком фоне готовился вывод наших войск, в соответствии с подписанными 14 апреля 1988 года в Женеве документами по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана...

Министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США решили, что Ограниченный контингент советских войск должен покинуть территорию Афганистана через девять месяцев.

- Что за особый смысл у этого срока? Не знаю?

Что касается состава выводимой группировки, то целесообразность ее у нас тогда вызывала большие сомнения. Возникали вопросы:

- А почему в первую очередь выводятся боевые части?

Ведь восемь батальонов спецназа твердо контролировали обстановку на границах с Пакистаном и Ираном. И вдруг враз, все оголяется и бандитам открывается дорога вглубь Афганистана.

Тогда вразумительного ответа мы не получили. Только через шестнадцать лет в книге воспоминаний генерала армии Варенникова «Неповторимое» т.5, «Советский писатель», 2001г., стр.294-295, я получил ответ на этот вопрос. Валентин Иванович описал это так:

«Я прозондировал настроение Наджибуллы — как он посмотрит на то, что мы выведем несколько боевых полков из Афганистана в Советский Союз. При этом было сказано, что с его, Наджибуллы, приходом к руководству страной внутренняя и внешняя политика должна быть изменена коренным образом, в частности, в области стабилизации ситуации. Наджибулла колебался недолго. Мало того, что согласился с нашим предложением, он заглянул еще дальше и, сказал: «Вывод Советских войск будет полностью соответствовать интересам и Афганистана, и Советского Союза. Афганистан продемонстрирует свою готовность мирным путем разрешить все проблемы с оппозицией. А СССР еще раз докажет миру, что никаких захватнических целей он не преследует, как это ему приписывают, и что он готов вывести войска так же, как и вводил».

Я переговорил по телефону с начальником Генштаба С. Ф. Ахромеевым и подробно рассказал о нашей беседе. Он сразу ухватился за эту идею и начал сразу с вопросов:

— А вы уверены, что Наджибулла действительно воспринимает такой акт положительно? А не получится ли так, что накануне вывода он позвонит нашему руководству и скажет, что не хотел бы, чтобы наши части уходили? Не может ли он сказать, что поторопился со своим согласием.

Я успокоил Сергея Федоровича, сказав, что Наджибулла, в отличие от других, не станет отказываться от своих слов и свое решение не изменит. Затем последовали другие вопросы, касающиеся непосредственно вывода наших войск: Какие части вы предполагаете выводить? На каких направлениях? Как это отразится на общей обстановке? Думаю, что это будет пять-шесть боевых частей. Именно боевых — другие не прозвучат».

В этом месте я считаю необходимо сделать небольшое отступление, для пояснения отдельных деталей...

Надо сказать честно, что практический опыт у командования по выводу наших войск из этой горной страны уже был. За полтора года до этого, в сентябре 1986 года, наше командование вывело на территорию СССР несколько мотострелковых и зенитно-артиллерийских полков. Они дислоцировались в гарнизонах, где достаточно сильны были афганские войска и присутствовали наши части и подразделения. Такое положение существовало в местах дислокации 5-й мотострелковой дивизии, где через Герат на Кушку вывели мотострелковый, танковый и зенитно-артиллерийский полки. Из 201-й мотострелковой дивизии, через Кундуз на Термез, — мотострелковый и зенитно-артиллерийский полки. Из 108-й мотострелковой дивизии, из Кабула на Термез, был отправлен один зенитно-артиллерийский полк.

Однако вывод растянулся на несколько этапов. Из которых первые были приостановлены в связи с тем, что буквально в нескольких километрах от магистралей, где должны были проходить наши части, были обнаружены (как и следовало ожидать) большие скопления банд мятежников, готовых выдвинуться и массированным огнем взять в свинцовые клещи наши колонны.

Войскам была дана команда: «Отбой!» А артиллерийские части и особенно авиация получили команду нанести массированные удары по скоплениям душманов. Первые два часа удары наносились фактически непрерывно. Огневые налеты артиллерии чередовались с бомбоштурмовыми действиями авиации. Затем авиация повторяла свои удары через каждые два-три часа (отдельно самолетами и отдельно — вертолетами). Остальное время методическим огнем артиллерии огневыми налетами уничтожались отдельные цели.

Комментарий генерала армии Варенникова:

«Через сутки в афганских средствах массовой информации по нашему требованию появились подробные сообщения о том, что, несмотря на просьбы и предупреждения не мешать советским войскам возвращаться на свою Родину, не провоцировать боевые действия, во многих местах банды изготавились к нападению на колонны частей 40-й армии, предназначенные для вывода. В таких условиях вместо нормального движения войска вынуждены были вести боевые действия. И все это — только по вине главарей «Альянса семи», в ущерб афганскому и советскому народу. В итоге все подтянутые к магистралям банды были разгромлены. Гульбетдин Хекматиар хотел «баню»?!. Он ее получил. И мы постарались это разъяснить народу не только во всех средствах массовой информации, но и традиционными каналами — на базарах, через караваны, просто через ходоков в кишлаки. При этом оппозиция строго предупреждалась о том, что если кто-то еще раз посмеет перейти к нападению, то последуют наши удары во много крат мощнее предыдущих».

Это был военно-политический маневр с целью отбить соблазн развязывать боевые действия. И свой замысел советское командование воплотило в жизнь. После такой «чистки» в сентябре 1986 г. войска вышли без потерь.

И вот новое «масштабное» испытание... Как-то оно пройдет в 1988 году?... В начале года, как только закончилась операция «Магистраль» в 40-й армии в рабочем порядке фактически были согласованы все вопросы по выводу. В принципе вся группировка армии делилась ориентировочно на две равные части, каждая из них составляла около 50 тысяч личного состава.

Боевым распоряжением командующего 40ОА №01 от 13.03.1988г. нашей бригаде вывод был определен своим ходом в три этапа. 1 из Джелалабада - 15 мая – 228 единиц техники одной колонной; 2 из Газни - 28 мая – 139 машин 177 ооСпН; 3 из Бараков (Суфла) - 10 июня - последней колонной 668 ооСпН из 127 машин. Предстояло своими силами этими тремя колоннами вывести весь личный состав и грузы: 72 т. боеприпасов, 236 т. ГСМ, 60 т. продовольствия, а также 365 тонн прочего имущества.

В апреле т.г. министр обороны СССР генерал армии Д. Ф. Язов прислал директиву, в которой определялись все вопросы, связанные с организацией и обеспечением вывода войск. В том числе указывалось, что все войска выводятся за 9 месяцев.

Первый этап вывода — с 15 мая по 15 августа 1988 года, второй — с 15 ноября 1988 года по 15 февраля 1989 года. То есть на каждый из этапов давалось по три месяца и на перерыв между ними еще три месяца. Практика же показала, что мы способны были решить эту задачу и в более сжатые сроки, а время, определенное на январь-февраль (самые снегопады в горах и морозы), было выбрано ошибочным.

Но, по дипломатическим и политическим соображениям, нужно было время, чтобы власть и народ в целом могли адаптироваться в условиях, когда советские войска ушли. Министр обороны СССР определил и направления вывода. Это были те же маршруты, по которым 40-я армия вошла в Афганистан в 1979 году. На западе: Кандагар - Шинданд - Кушка. На востоке: объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада. Далее войскам этого направления предстояло преодолеть перевал Саланг высотой более 3000 метров, выйти в район Пули-Хумри и завершить марш в Термезе. Более пятидесяти тысяч солдат и офицеров из 15-й и 22-й бригад спецназа, 56-й десантно-штурмовой бригады, 66-й и 70-й мотострелковых бригад, а также частей 201-й мотострелковой дивизии, покидали Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад, Кундуз на первом этапе.

Любопытны воспоминания очевидца о вроде бы второстепенных, но важных моментах:

«В середине апреля 1988 года меня вызвали на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС, где я докладывал готовность войск 40-й армии к выводу и способность армии Афганистана защитить независимость страны. Заседание вел председатель комиссии Шеварднадзе. Он же и особенно Яковлев проявляли исключительную активность в обсуждении проблем. Но в итоге все улеглось. Однако по двум вопросам решение было принято в сложных условиях.

Шла речь о способности афганской армии защитить власть и народ от агрессивных действий банд оппозиции. Вполне естественно, что под давлением Наджибуллы и его соратников в нашем Политбюро сложилось впечатление, что мы, советские воины, нанесли недостаточное поражение мятежникам, а поэтому возможности правительственных войск защищаться сомнительны. Отсюда вывод: в оставшееся время пребывания частей 40-й армии в Афганистане постараться нанести поражение наиболее опасным группировкам противника (и в первую очередь Ахмад Шаху Масуду). Мне совершенно ни к чему было разжигать эту дискуссию, к примеру, таким заявлением: «Правительственные войска способны защищать власть, а если кто-то думает иначе, то заблуждается».

Вполне понятно, что это взорвало бы ситуацию, хотя соответствовало действительности и было подтверждено жизнью (почти три года афганцы держались без наших войск).

«Поэтому я говорил уклончиво: «Будут приняты меры».

«Второй вопрос — об участии корреспондентов средств массовой информации СССР и всех представленных в Афганистане государств. Причем вопрос не стоял: участвовать им или не участвовать, ибо всем было ясно, что такое событие должно широко освещаться. Но проблема состояла в обеспечении их безопасности. Если в пунктах дислокации, которые покидались нашими частями, а также в районах ночевки или у государственной границы безопасность обеспечивалась с высокой гарантией, то во время движения колонн — а все журналисты хотели следовать с колоннами — сделать это было сложно. Журналисты, не имея оружия и средств защиты, при первом же нападении любой банды станут первыми жертвами. Тем более что мы уже имели в этом плане не один горький опыт.

Когда дебаты подходили к концу, обратились с вопросом ко мне: а как вы считаете? Я ответил: «Дело добровольное. Все будут предупреждены о возможной опасности. В случае нападения банды каждый должен выполнить команды командира подразделения, с которым следуют корреспонденты. За свою жизнь каждый отвечает лично. Кто опасается — может поприсутствовать при проводах и на госгранице, куда мы постараемся перебросить желающих. Я высказался за такой вариант, чувствуя, что вывод войск будет все-таки безопасным. Кроме того, имел в виду, что почти всем корреспондентам мы все-таки сможем выдать бронежилеты. Со мной согласились».

После возвращения из Москвы генерал армии В.Варенников прилетел к нам в Джелалабад, где инспектировал нашу 15-ю бригаду. Заслушал командира и заместителей, осмотрел части, и в целом остался доволен состоянием дел, а перед вылетом вдруг неожиданно приказал:

- Силами бригады в течение недели соорудить бункер для остающихся советников на территории Джелалабадского аэродрома.

Прямо скажу, приказ был шокирующим, ну какие из наших разведчиков - строители? Но обсуждению он не подлежал, тем более что к руководству работами были сразу приставлены специалисты-строители инженерной службы штаба 40-й армии. К работам приступили немедленно. Строящемуся объекту было присвоено кодированное название "Саркофаг". Основная тяжесть работ легла на плечи личного состава 154-го отряда нашей бригады. 334-й ооСпН не привлекался, так как занимался восстановлением своей материальной части и боеспособности.

Мы с командиром бригады нервничали необычайно, ведь проблем с подготовкой к выводу было «выше крыши», а приходилось отвлекаться на совершенно ненужную работу. Не скрою, у нас с первой минуты твердо укрепилось мнение об этом строительстве, как об очередной аванюре. Основным строительным материалом были избраны бетонные "хумы" из периметра ограждения военного городка штаба бригады, расположенного на территории бывшего оливкового завода. "Хумы"- представляли собой полые бетонные кубы со сторонами в полтора метра. Было решено этими блоками прикрыть по бокам и сверху стандартный жилой модуль, в котором до того жили летчики.

Сооружение должно было полностью обеспечить безопасность, т.к. не имело окон, а у выхода блоки были выложены изгибом, чтобы пуля или осколок не залетели в помещение. Наши разведроты работали по-стахановски круглые сутки, в темное время суток на площадке включались прожектора для подсветки. Мы с командиром круглосуточно контролировали стройку - мотаясь между аэродромом и штабом бригады. Все наши усилия объять необъятное были оправданы, и, несмотря на ряд сложностей, задача была выполнена полностью. Благодарности за работу над объектом мы не дождались, так как завершили строительство с некоторым опозданием по времени, за что получили разнос вышестоящего командования по этому поводу...

Объект получился далеким от совершенства. Бетонные блоки выглядели угрюмо, тяжеловесно и устрашающе... Жилое помещение советников было обнесено монументальной стеной - огромными металлическими сетками, заполненными валунами, в два ряда. Вдоль стены шли минные поля: подвешены на туго натянутых проволоках осколочные гранаты, мины вкопаны в землю. Все было продумано. Это сооружение предназначалось для последнего смертного боя, и инженерная служба армии вместе с нашими солдатами потрудились на славу. Стоять "Саркофаг" будет вечно, как монумент "шурави". Наши друзья советники, так же, как и мы, отзывались очень скептически о новом фортификационном сооружении. Всем было понятно, что это решение принималось в Москве, в удобном кабинете какого-то начальника и не ведавшего, что такое Афганистан. Группа советников была убеждена, что долго здесь не задержится. Так оно и получилось. На другой день после августовского выхода последнего подразделения 66-й бригады в Кабул поступила тревожная радиограмма о неотвратимости наступления мятежников и срочной эвакуации советников. В тот же вечер прибывшие из Кабула самолеты забрали группу.

В середине лета к нам в Чирчик заезжали двое наших друзей-чекистов (Арцыков В.Д. и Микадзе В.) из той группы советников. И с возмущением рассказывали нам свои впечатления о разграбленных военных гарнизонах, переданных царандою, о выброшенных на ветер материальных средствах, и о том, что они (советники) и не думали задерживаться в Джелалабаде. Технические неисправности в подаче электроэнергии и воды делали невозможным их пребывание в "саркофаге". Боевого контакта с противником не было, но в двухстах метрах разорвалась одна мина, что оценили как "подготовку противника к штурму".

Задумка начальников не получилась. Важно было показать, что мы остаемся с защитниками города, не бросаем его на произвол судьбы. Нужен был символ нашей стойкости. На деле вышло другое. Два чувства - страх перед противником и недоверие к союзнику - превращались в решающие факторы поведения наших советников. Аппарат советников в Кабуле знал, что делается на местах, но их информация в Москве оценивалась иначе. А мы во всем этом безобразии кляли В.Варенникова... Несмотря на «строительный бум», нарушающий ход подготовки подразделений к выводу, как и было решено ранее, нашей бригаде была оказана честь покинуть территорию Афганистана самой первой. А учитывая показательность и сложность вывода авангарда войск армии ее организацией занимался лично командарм Б.Громов, который часто бывал в эти дни в Джелалабаде. Он же лично проводил строевой смотр готовности походных колонн и личного состава частей.

Стремительно пролетели две недели мая. Джелалабад, представляющий особую значимость, заблаговременно (т. е. до вывода советских войск) максимально усиливали.

Перебросили дополнительно армейские части правительственных войск, боевую авиацию, направили пополнение для доукомплектования частей гарнизонов, боевую технику и вооружение (особенно БТР, БМП, артиллерия). Шла большая организаторская работа наших советников, не зная покоя ни днем, ни ночью, — строилась оборона, проводились тренировки. К тому времени в Джелалабадском гарнизоне были сконцентрированы неприкосновенные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия на три месяца.

Военные городки, в которых жили части бригады, — казармы, столовые, бани — остались в таком образцовом состоянии, что складывалось впечатление, будто солдаты лишь на минуту покинули его. Кровати были аккуратно заправлены новыми постельными принадлежностями, которые накануне вывода завез из Союза, неутомимый, заместитель командира по тылу Игорь Серзин. На установленных местах лежали даже прикроватные коврики, а под тумбочками — тапочки. Казармы усилиями нескольких поколений военнослужащих выглядели обжитыми и были оборудованы всем необходимым. Без перебоя работал водопровод. Объединенной комиссией советских и афганских тыловых служб были подписаны акты о приеме и передаче имущества. Афганцы подписав соответствующие документы выставили в гарнизонах свою охрану. Утром 14 мая мы полностью освободили занимаемые военные городки. И остановились лагерем в роще на берегу мелкой ручьи недалеко от места постоянной дислокации 154-го ооСпН. В сотне метров от нас проходило стратегической шоссе Кабул- Джелалабад — Пешавар, по которому буднично катились «бурбухайки» в Пакистан и обратно. Афганские водители призывно сигналили нам клаксонами, их пассажиры дружелюбно махали руками: «Счастливо шурави!»

Вечером того же дня, возвращаясь после совещания у Громова из военного городка 66-й мотострелковой бригады, мы заехали на территорию бывшего штаба бригады. Полковник Старов, обуреваемый чувствами ностальгии к месту, где он прожил два года, решил на прощание заглянуть в свой модуль — в свою комнату. Лучше бы он этого не делал, так как увиденное шокировало его. К этому времени (за один день!) военный городок практически уже полностью был разграблен. Все более или менее ценное имущество — телевизоры, радиоаппаратура, кондиционеры, мебель, кровати, постельные принадлежности — были похищены и проданы через дуканы города. В большинстве помещений не осталось даже ни дверей, ни оконных рам. Последние, кстати, пользовались особым спросом у населения. Увиденное разграбление вызвало очень горькие мысли у нас:

- К чему все наши усилия?

- Нужны ли были мы здесь?

Парадокс! Мы загружали в машины и вывозили на Родину ржавые пустые сейфы, а новую бытовую технику оставляли афганцам. А ведь тогда в Союзе кондиционеры были диковинкой, да и телевизоры, холодильники тоже не были бы лишними.

Совершенно понятно, что банальным воровством в массовом масштабе занимались не простые афганские солдаты или гражданские лица со стороны, это могли сделать только власть имущие. Те на кого оставляли мы наш гарнизон. За всем этим отчетливо чувствовалось, что все эти командующие и губернаторы — временщики... люди без будущего...

Уже тогда они предвидели, что кабульское правительство продержится без советской военной поддержки считанные недели-месяцы-годы. Так и получилось... Но вернемся к логике нашего повествования. И вот наступило то историческое утро — 15 мая. День начала вывода советских войск. С первыми сполохами утренних сумерек, наскоро перекусив, наша колонна с личным составом на борту вернулась на территорию 66-й бригады. Спешилась.

Управление, штаб бригады, отряд спецрадиосвязи, два отряда спецназначения и подразделения обеспечения построились на строевом плацу. От командования армии на трибуне находился член военного совета армии генерал-майор Захаров. Все представители местной афганской власти и общественности прибыли в бригаду для личного участия в церемонии прощания. Надо отдать им должное, руководство провинции Нангархар

организовало сердечные проводы выводимых частей. Быстро пролетел митинг, завершившийся торжественным прохождением войск, и колонна неотвратно пошла на север. И хотя на часах было только 7 утра, расплавленный солнечный диск уже давил своим безжалостным жаром все живое. В движении лица обжигала просто мартеповская духота...

Прощание же афганцев с нашими воинами было просто трогательным. При прохождении колонны через Джелалабад с солдатами, сержантами и офицерами вышли проститься более двенадцати тысяч местных жителей. Стоя плотной стеной на обочине шоссе простые декхане бросали на броню проходящей техники цветы и бумажные венки, открытки с приветствиями и пожеланиями, написанными на русском языке, флажки с выдержками из Корана. Думали ли они в тот момент, в какое тревожное время вступают после выхода советских войск? Совсем скоро провинциальный центр будет разбит огнем артиллерии талибов. Тысячи людей бросят свой кров и уйдут в безопасное место. Кто-то откровенно радовался выводу, кто-то мечтал о возмездии, но тем не менее при прохождении нашей колонны провокаций отмечено не было.

Командование армии провело огромную работу по организации боевого охранения войсковых колонн в ходе марша и в местах отдыха. Все используемые коммуникации были основательно заблокированы войсками и средствами 108-й и 103-й дивизий. Были тщательно спланированы действия авиации и артиллерии. На весь личный состав выходящих частей из Афганистана были доставлены каски и бронежилеты. Провоевав девять лет, разведчики спецназа, только перед началом последнего марша получили средства индивидуальной защиты. Кстати деньги на эти цели были потрачены немалые, например, только один бронежилет типа 6-Б-2 стоил 960 рублей! Это тогда были очень немалые деньги. А бронежилетами обеспечили всех военнослужащих - от комбрига до последнего солдата-повара... Принятые меры безопасности не были лишними, благодаря им наши колонны вышли без царапины и погибших.

Об этом памятном дне написал и генерал армии Варенников:

«В первый день выхода войск из своих гарнизонов я был в Джелалабаде. Там располагались 66-я отдельная мотострелковая бригада и 1-я бригада специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба. Кроме того, здесь же, на аэродроме, располагался и небольшой авиационный гарнизон. Он включал в себя не только самолеты и вертолеты, перелет которых был спланирован отдельно, но и значительную часть наземного эшелона, куда входили различные подразделения обслуживания. Все они, конечно, шли с общей колонной под прикрытием боевых частей. Все, что было в Джелалабаде (и, естественно, по соседству — в Асадабаде), — переходило в Кабул и располагалось там в специально отведенном районе неподалеку от кабульского аэродрома. Имелось в виду, что с утра 16 мая часть войск кабульского гарнизона и все те, кто подошел 15 мая в Кабул, тронутся на Термез. Набиралось несколько тысяч.

Вообще церемония вывода наших войск приобрела не просто торжественный, а величественный характер. В Джелалабаде, в военных городках только населения собралось более 15 тысяч человек. Были здесь и военные, и местные авторитеты, и местные власти. Проводились митинги. Теплые речи с обеих сторон: мы клялись, что в беде Афганистан не оставим, а афганцы клялись, что будут дружбе вечно верны и с помощью Советского Союза укрепят демократические свободы. К сожалению, ни того, ни другого не получилось: с 1992 года по решению Ельцина мы Афганистан вообще бросили, а «демократией» стали заниматься фундаменталисты — с помощью талибов они вообще разрушили страну».

Добавлю, что на маршруте движения колонн до Кабула во всех кишлаках устраивались теплые встречи и сердечные проводы «шурави». На окраине Кабула первые машины колонны встречал сам командарм Громов и при подходе всей массы машин возглавил ее марш при прохождении по городу. В столице в этот момент творилось что-то необыкновенное. Далеко не в каждый праздник на улицах бывало так много разряженной публики. По оценкам службы безопасности на проходящую колонну смотрели более ста

тысяч человек. Повсюду море цветов, кругом лозунги на русском и афганском языках, флаги и флажки, музыка... По-моему, этот праздничный настрой свидетельствовал о многом.

С наступлением ночи, разместились на отдых на стоянках Теплого Стана - в отстойнике. По-походному перекусили сухими пайками, укутались в теплые куртки и шинели, и как смогли переночевали устроившись прямо на броне своих машин... Да и что той ночи то, в три легли - в пять часов встали.

Мой БРТ был «особого назначения» так, как имел на борту ящики с партийными документами. Согласно приказу командира в/ч пп 71351 №49 от 7 мая 1988г за партучет отвечал мой секретарь парткомиссии майор Глова. Дословно в приказе было указано:

«В соответствии с боевым распоряжением командующего армией в период с 15 по 19 мая часть совершает марш по маршруту: «Джелалабад - Кабул - Пули-Хумри – Хайратон - Термез». В целях обеспечения качественной подготовки техники к маршу и организованного движения машин приказываю:

...Закрепить бронетанковую и автомобильную технику управления соединения за водителями и старшими машин:

БТР- 80, № 113 (партучет) – водитель рядовой Кононыхин Ю.А., старший – майор Глова А.Н....

Для обеспечения охраны документов партийного учета в ходе марша на привалах назначать комендантский взвод командир взвода лейтенант Головин А.Н.»

Естественно, я чувствовал личную ответственность за перевозку этого груза на территорию СССР и весь марш до границы находился в люке старшего. По рекомендации начальника ОО КГБ бригады для экстренного уничтожения ящиков с партийными документами были предусмотрены средства уничтожения, состоящие из 3 кг тротила снизу и по бокам – двух МОН-50, а сверху-одной МОН-90. От этого соседства все члены экипажа испытывали психологическое неудобство и порой покрикивали друг на друга:

- Эй, ты, поаккуратнее там возись...

Короткая и беспокойная ночь кончилась. Как только рассвело начали вытягивать колонну к месту построения. Командарм на вечернем совещании предупредил, что 16 мая выход из города советских воинов будут провожать лично президент Мохаммад Наджибулла Ахмадзай, или коротко Наджибулла, все члены Политбюро ЦК НДПА, все правительство, многие общественные организации. На выходе из города нашли удобную площадку, где построили огромную трибуну-шатер для руководства страны, там же разместили большой оркестр и несколько тысяч горожан. В назначенное время приехал Наджибулла. Все его ждали у трибуны. В числе приглашенных находились чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, руководящий состав посольства, командующий 40-й армией, члены военного совета, начальники служб армии, представители — от ЦК КПСС, Минобороны, КГБ, МВД и др., главный советский военный советник в Афганистане, представители общественных организаций СССР в Афганистане. Кроме того, на трибуне присутствовало много иностранцев, а также всё представительство от ООН во главе с генерал-майором Раули Хельминеном — руководителем комиссии ООН, осуществляющей наблюдение за выводом советских войск, и Беноном Севаном — помощником Генерального секретаря ООН Диего Кордовеса. Гостевые трибуны примыкали к центральной, где располагались руководители Афганистана.

Торжественность обстановки достигла такого уровня, что описать ее невозможно. Да, хоть мы разной веры, - думал я, - но за эти годы мы породнились с афганцами, а дружба наша скреплена кровью. И какие бы испытания наши народы ни прошли в последующем, эта дружба не будет забыта никогда.

Хотя, забегаая вперед, можно сказать, что вместе с лидерами наших стран менялись и отношения, что, конечно, бросало тень на наши народы. По крайней мере, нас сильно изменить не удалось. Мы до сих пор сохранили добрые чувства к афганскому народу.

Когда все было готово, прозвучали фанфары. Начиная митинг командующий войсками ТуркВО генерал армии Н.И.Попов, зачитавший Обращение ЦК КПСС к советским воинам – интернационалистам, возвращающимся из Афганистана.

После чего было четко объявлено: — Перед народом Афганистана и перед советскими воинами в Афганистане выступает президент Республики Афганистан — Наджибулла!

Наджибулла выступал в свойственной ему манере — страстно и ярко, часто не дожидаясь полного перевода своих слов. Говорил о том, почему советские войска пришли в Афганистан, что у них не было других целей, кроме примирения афганцев, которые затеяли борьбу за власть, а для СССР не безразлично, что творится у его соседей. Что только по неоднократной и настоятельной просьбе Советский Союз согласился ввести свои войска, но при условии, что он не будет вести боевых действий в Афганистане, и афганский народ благодарен Советскому Союзу за то, что он откликнулся на эти просьбы. Однако оппозиция спровоцировала боевые действия, в результате чего погибло много афганцев и русских, а этого могло и не быть, если бы мира хотели США, Пакистан и оппозиция — «Альянс семи». Именно на их совести сотни тысяч погибших людей и миллионы беженцев, которые скитаются сегодня по земле и не могут вернуться к своему очагу. «Политика национального примирения» внесла коренные изменения в нашу позицию — мы за мир на любых условиях и, в первую очередь, с проведением всеобщих открытых выборов под наблюдением ООН, — говорил Наджибулла. — Сейчас советские войска уходят. Кое-кто старался обвинить их в дестабилизации обстановки. Сегодня советский солдат уходит к себе домой. Ему ничего от Афганистана и афганского народа не нужно. Он сделал все, чтобы помирить нас. И не он виноват, что не все получилось. Теперь он будет смотреть из Советского Союза, как мы это сделаем сами во имя народа. Мы, мусульмане».

В таком духе Наджибулла выступал минут сорок с переводом. Речь его прерывалась аплодисментами. Мне довелось несколько раз встречаться с ним в штабе 40 ОА и его Президентском дворце в центре Кабула во время вручения афганского ордена Красного Знамени. Он был приятным в общении человеком и красивым мужчиной. Его любили советские военнослужащие. В его внешности и поведении чувствовалась какая-то внутренняя надежность.

- В эту минуту, - говорил Наджибулла, - мы обращаемся к советским матерям. Ваши доблестные сыновья возвращаются домой. Низкий вам поклон за воспитание настоящих интернационалистов. Наш народ никогда не забудет имена тех, кто отдал свою жизнь. Прошу почтить их память минутой молчания. Мы выражаем свою сердечную благодарность всему советскому народу за всестороннюю бескорыстную помощь. Советские воины уходят, но дружба с Советским союзом остается.

От имени афганского руководства Наджибулла вручил бригаде спецназ памятное Почетное Красное знамя ЦК НДПА.

Ответное слово было представлено командиру «1-й специальной бригады советских войск» полковнику Старову. Наш Юрий Тимофеевич был прекрасным оратором и сразу приковал к себе внимание аудитории. И своим яркими простыми фразами он как бы обобщенно говорил за нас о том, что было на сердце у каждого советского военнослужащего.

- Мы гордимся тем, - сказал комбриг, - что с честью выполнили свой интернациональный долг. Нас радует высокая оценка, которую дало правительство дружественной республики всему личному составу, награждение части высшим афганским военным орденом Красного Знамени. В нашей памяти навсегда останутся не только совместные бои против врагов афганского народа, но и помощь, которую мы вместе оказывали жителям кишлаков и городов. Мы внимательно будем следить за жизнью республики, будем радоваться вашим успехам в решении задач экономического и социального развития, претворения в жизнь политики национального примирения...

В этот момент произошел трагикомический случай. Фотографируя Старова, между собой повздорили два иностранных журналиста, судя по внешности, один англичанин, а

другой азиат. Отталкивая друг друга плечами они долго боролись за самый лучший ракурс для кадра, а затем опустив на асфальт фотоаппаратуру бросились в рукопашную - обмениваясь тумаками и пинками. После чего громко ругаясь на разных языках разошлись в стороны. Солдаты и офицеры, перед строем которых это происходило, приглушенно смеялись:

– Вот она - капиталистическая сущность конкуренции...

А в это время на трибуну поднимается Биби Гамар – вдова, мать солдата, член общества жен и матерей павших борцов революции. От имени афганской армии советских воинов поблагодарил Герой Республики Афганистан военный летчик полковник Барата. Президент республики, другие афганские руководители спускаются с трибуны, подходят к строю и вручают советским воинам медали «Воину – интернационалисту от благодарного афганского народа»

Раздается команда: «По машинам!» Под звуки военного оркестра колонна, растянувшаяся на несколько километров по всему городу, медленно вытягивается по дороге ведущей к перевалу Саланг. А поскольку все машины шли в колонне по одной дороге, то выход войск из Кабула занял около пяти часов. Машины нашей бригады шли первыми.

Надо отметить, что за ночь, проведенную в Кабуле бойцы по неуставному «украсили» свою технику. На башнях танков и БТРов, на солнцезащитных щитках в кабинах автомобилей появились большими буквами написанные наименования населенных пунктов, откуда были родом водители и механики-водители. Таким способом бойцы славили свою малую родину и отыскивали земляков и друзей, обменивались новостями. Над штабным БТРом асадабадского батальона неугомонный майор Качура опять закрепил военно-морской флаг. Но изменить что-то уже было нельзя и грозный командарм просто раздраженно махнул рукой...

Психологический момент прощания с первой колонной советских войск я видеть не мог, но приведу описание Варенникова:

«Первой пошла колонна 1-й бригады спецназа полковника Старова. Я прекрасно знал его солдат и офицеров в бою. Уставшие, даже изнеможенные, всегда настороженные, гимнастерка мокрая, по лицу бегут ручейки пота с грязью, как правило, все в пыли и, конечно, небритые. Такими я их видел во время боя. А сейчас на БТРах сидели красавцы бойцы-молодцы, чистые, румяные. Все улыбаются. Одежда выглажена. Белоснежные подворотнички, у всех на груди награды — залюбуешься. Все без исключения машины (боевые или транспортные) были в цветах. Вообще прощание с советскими солдатами было трогательным, а с такими героями — тем более. Я искоса поглядывал на Наджибуллу. Он, как и другие, постоянно помахивал рукой и говорил: «Какие солдаты, какие солдаты!» Явно было видно, что он переживал. Это заметил и Юлий Михайлович Воронцов, наш посол.

На обочине в тысячной толпе провожающих бросались в глаза милые славянские лица русских женщин, которые вышли замуж за афганцев и проживали в Кабуле. Многие из них обливаясь слезами кричали нам: «Мальчики, на кого вы нас бросаете!», «Ребята заберите нас на Родину!», «Что же мы без вас будем делать?». Эти мгновения запали мне в душу. Еще тогда в горячке вывода я подумал, а что же будет с несколькими тысячами русских женщин, создавших смешанные семьи, нарожавшие детей и остающиеся один на один с мусульманским средневековьем? Будущего у них не было. Эту гуманитарную катастрофу не заметил тогда никто. Как показала жизнь, к марту 1996 года в Афганистане осталось в живых всего семь русских женщин. Остальные были безжалостно вырезаны поголовно вместе с детьми и мужьями, как пособники Наджибуллы (более подробно см. «Комсомольскую правду» 3.03.1996г.).

...Шоссе втягивается в ущелье. Мы вышли на маршрут Кабул – Термез протяженностью 530 км. Изредка под откосами – сгоревшие наливники и бэтээры. Чем выше мы поднимаемся, чем ближе Саланг, тем этих кладбищ техники больше и больше... За кюветом, словно верстовые столбы – обелиски водителям и бойцам: где поставлен камень,

где на плиту положили руль, и имена наших ребят под красной звездой. Это памятники погибшим. Сидящий рядом со мной на броне майор Глоба вздыхает:

- Печальное зрелище, следы войны...

Глоба всматривается в заснеженные горы и замечает:

- А красота – то какая!

Я молчу, потому что такую же «красоту» уже видел под Хостом, когда ходили на операцию «Магистраль». Становится холодно. Надеваем теплые вещи, что попадется под руку. Мне из чрева бэтэра подают шинель с майорскими погонами, откуда она? Не важно. Облачаюсь. Становится уютнее. Облака – вот они, рукой подать. Это самый трудный участок дороги Чарикар – Доши, на котором расположен перевал Саланг. Местность в полосе прохода высокогорная, сильно пересеченная, непроходимая вне дорог для всех видов транспорта. Шоссе с асфальто-бетонным покрытием и шириной проезжей части 6-7 метров. Саланг – это система тоннелей с принудительной вентиляцией, расположенных на высоте 4100 метров. Здесь постоянно фиксируются сходы снежных лавин. Вот они тоннели, протяженность самого большого из них 2 километра 675 метров, крытые галереи, ставшие в 1979 году братской могилой для 12 наших бойцов, весной 1980 для 2, в ноябре 1982 для 64 наших солдат и офицеров. Все они погибли от отравления по причине высокой концентрации в тоннеле угарного газа от работающих дизелей двигателей. Дорога выкручивается вниз. Веселее побежали машины. Вырываемся на равнину.

- Слава богу, самый трудный участок прошли.

К вечеру дошли до Пули-Хумри, городок дислоцируется на равнине, среди полукружья гор. Нас встречают тыловики подполковника А.Рыбакова. Очень быстро, образцово показательно сотни боевых машин были заправлены горючим, а затем расставлены на ночлег. Лагерь этот без преувеличения можно отнести к вершинам творчества тыловой службы, возглавляемой лично заместителем командующего полковником В.А.Васениным. В Пули-Хумри для нас есть все: баня, столовые и казармы для ночного отдыха. Нас с командиром встречает и размещает для отдыха начальник разведки армии:

- Как прошли маршрут, Юрий Тимофеевич?

- Колонна обстреливалась дважды. Техника выдержала, потерь и отставших нет. – спокойно, с достоинством, отвечает Старов.

- Полковник Чуркин докладывал командующему, что вас крепко обстреляли?

- В 13.40 из района Дахи-Нау по колонне были выпущены эресы, накрыли дорогу вблизи Дакай-Бала, но мы проскочили без потерь...Повторного обстрела не было, так как авиация и артиллерия нанесла ответный удар.

- Как же вы проскочили без потерь? Докладывали, что зарегистрировано сорок шесть разрывов снарядов. Мы думали, все конец: - дым, пыль!

- Значит, повезло! Не так страшен черт как его малюют.

Разговор прервал дежурный по связи:

- «Бронза» (позывной комбрига), вас вызывает на связь ЧВС Южного направления генерал-лейтенант Кочкин!

- Юрий Тимофеевич, здравствуйте, слышал, «западные голоса» твердят сейчас, что первая советская колонна «пробивается к границе с боями»? Доложите обстановку!

- Товарищ член военного совета, потерь не имею. При выходе из Кабула отличился отряд обеспечения движения под командованием капитана Мальцева. Быстро заставил замолчать огневые точки духов. В районе кишлака Дакай-Бала грамотно сработал «Барсук» (позывной комбата Гилуча), увеличил дистанцию между машинами и взял на прицеп поврежденный осколками грузовик. Так что все штатно! Сказки все это. Попытка выдать желаемое за действительное. Интересно, а что скажут по поводу марша иностранные журналисты, что идут у меня на броне? Дайте им возможность сбросить в свои агентства информацию о ходе марша!

Проходя вдоль колонны и инструктируя командиров, разговорился с командиром роты капитаном Колесником, волнуется: нет на собаку – полуторагодовалую овчарку Шейха, документов. Бойтся, что не удастся перейти с ним границу. А ведь пес замечательный – может запросто отыскать духовский схрон с оружием и снаряжением, успешно искал мины. Был дважды ранен. Одним словом проверенный боевой товарищ!

- Что делать?

- Верить в справедливость, но думать самому! - отвечаю я Колеснику.

Несмотря на общую загруженность маршрута, по словам офицеров диспетчерской службы по 25-30 колонн в день, нашей колонне отдан приоритет. Нас не останавливают для подтягивания колонны на диспетчерских контрольно-пропускных пунктах, а только машут на прощание руками. Идем на хорошей скорости.

Внезапно нормальный рокот двигателя начинает меняться на хлопки и машина дрожит всем корпусом. Вот так на последнем этапе движения к границе мой БТР № 113 начал демонстрировать свой нрав. Весь последний день, 17 мая, мы то и дело останавливались и подолгу чинили технику: сгорели три колеса, барахлила система подачи масла, электропроводка и др. В итоге трудная дорога к дому, казалась на последних километрах, непреодолимой. Мне не хотелось расписываться в слабости перед подчиненными и несколько раз, когда останавливались наши машины и добровольные помощники бросались нам помогать, я отправлял их в надежде на собственные силы. Водители Кононыхин и Чучин, справились с задачей, поменяв в очередной раз сгоревшую резину и наладив забарахлившую систему подкачки. Ко мне на броню залезает грязный по самые плечи мой земляк Игорь Чучин и с улыбкой говорит:

- Товарищ подполковник, сейчас бы пельменей наших, уральских!

- Живы будем, не помрем, - отвечаю я ему. – будут и уральские пельмени со сметаной, и с холодной водочкой. Вперед, ребята поехали потихоньку.

- Размечтался о жратве, - оживились ребята комендантского взвода, - до дому еще дойти надо...

- Дойдем, двадцать километров всего до Хайратона осталось...

Расчехлив пулемет и сняв автоматы с предохранителей мы шли одиноким бэтэром. На броне которого краснел кумач: «Родина, мы выполнили свой долг!».

Что такое долг?- думал я. В словаре Ожегова это слово трактуется «то же, что и обязанности», т.е.определенный круг действий, возложенных на кого –нибудь и безусловный для выполнения.

- А ведь совсем не звучит «...мы выполнили свои обязанности»?!

Странное словосочетание. А мой долг сейчас добраться с ребятами к месту сбора колонны, в противном случае - стыд и позор. Кто угодно может отстать, но не заместитель же командира бригады.

К сумеркам, уже после 18 часов догоняем колонну. Ищу командира. Докладываю о прибытии. Он очень удивлен поломками:

- У тебя же новый БТР-80? Ну дела! Скажи, пусть зампотех посмотрит. У тебя масса своих дел, не отвлекайся. Журналисты замучили, Возьми их, Олег Владимирович, на себя.

- И поработай, пожалуйста, с таможней. Я ушел на доклад к командарму.

Да уж, действительно, в пограничный город-порт Хайратон на встречу первой колонны прибыло рекордное количество корреспондентов (117 советских и 135 зарубежных). На голом пустынном пяточке, между машинами, я провел с ними подробную пресс-конференцию. Позади восьмисоткилометровый марш. Впереди ночевка. Бойцы приводят себя в порядок прямо на броне. Таможня и пограничники с особистами частей «шерстят» подразделения. Мгновением пролетела бессонная ночь. Когда рассвело, всех охватило необычное волнение. Мы с командиром тоже привели себя в порядок: помогая друг другу из кружки помылись, побрились, подшили свежие подворотнички, закрепили награды. По команде комбрига подразделения начали вытягивать колонну. На нашем командирском бэтэре разместили Боевое Знамя бригады. Открытое наименование предусмотрительно

защито куском материи. Хотя скрывать было совершенно излишним, так как «духи» были информированы о многом.

На последнем митинге в Хайратоне попрощались с афганскими товарищами. От советской стороны опять ярко выступил Ю.Т.Старов. И вот, наконец, тронулись – уже видим ажурные контуры моста через Амударью. Когда наши войска входили в Афганистан этого моста не было. Да и город узбекский Термез благодаря только последнему десятилетию получил известность во всем мире. Хотя давным-давно здесь проходил «Великий шелковый путь». Как писали исторические хроники, караваны с большими трудностями перебирались через Амударью, которую в народе называли Джейхун, что значит «бешеная». Караванбаши, перебравшись на другой берег, подавали голос спутникам, не успевшим форсировать реку:

«Тырк мыз!» – «Мы живы!»

Может быть, спустя века «тырк мыз» трансформировалось в сегодняшний Термез? Наверняка, наши парни, возвращающиеся домой, не знали этой легенды, но многие на своих боевых машинах написали на кумаче: «Мы живы!».

Газета «Правда» 19 мая 1988г. об этом моменте написала так:

«Туда, на мост дружбы, внимание множества людей – жителей Термеза и многочисленных гостей. И вот на серостальной вязи моста пламенем забилося под ветром развернутое знамя: движется головной БТР колонны – командирская машина полковника Ю.Старова. Бесконечной вереницей идут к советскому берегу боевые машины. Здравствуй, родная земля! Звуки маршей, приветствия, рев моторов сливаются в мощный гул. Вглядываемся в лица возвращающихся: радость и волнение. Дорогие наши бойцы в объятиях Родины. С честью вернулись они домой. Интернациональный свой долг, задачи, которые поставила перед ними страна, они выполнили. Подходим к командирскому бронетранспортеру.

- С возвращением, Олег Владимирович!- обмениваемся рукопожатием с политработником подполковником Олегом Кривопаловым. – Как дошли?

- Все нормально. Безмерно рады возвращению домой.

В люке боевой машины видим рядового Виктора Набоху. - Как самочувствие? – знаем, что водителю-механику, сидящему за рулем, пожалуй, труднее всего дался марш. Виктор улыбается, машет рукой: мол, рад. Видим, многим бойцам волнение мешает выразить словами все то, что нахлынуло на них сейчас среди улыбок и цветов родной земли».

Замер строй на высоком берегу Амударьи напротив пограничной стелы и портретов Политбюро. Звучит гимн родной страны. Начинается митинг.

- Это событие войдет в историю как свидетельство миролюбия, стремления решать сложные международные вопросы на основе уважения национального суверенитета государств и народов, - сказал Председатель Верховного Совета Узбекской ССР П.Хабибуллаев. Узбекский народ встречает и приветствует воинов-интернационалистов как самых дорогих и славных своих сынов.

Слушая оратора, я думал о своем:

- Почему на митинге нет ни одного представителя союзной власти? Такое исторически важное событие мог бы отметить и президент СССР! Ведь он главный организатор начала вывода войск. Ведь есть примеры: лидер кубинской революции Фидель Кастро лично встречал у трапа самолета или на причале каждого воина – интернационалиста, возвращающегося на Родину.

Это невнимание тогда задевало самолюбие и солдат и офицеров. Во многих курилках и казармах потом обсуждалась эта тема.

Через десятилетия другой человек боевой генерал, участник той войны, написал созвучные нам слова:

«Первый этап вывода наших войск прошел выразительно, был под всеобщим контролем и освещался всесторонне. И был он знаменательным — никаких потерь! Но знаменательным было и другое: провожал народ Афганистана, местные и центральные

органы власти до президента РА включительно, а в СССР наших ребят встречал наш народ и местные органы власти. Правда, московских начальников не было, как всегда, они были заняты. А ведь полно членов Политбюро ЦК, в аппарате ЦК — целая дивизия работников, а еще руководство Президиума Верховного Совета, руководство правительства... Конечно, если всех их посчитать, наверное, столько не наберется, сколько выводилось войск. Для встречи наших воинов после почти 9-летней войны можно было бы найти человек пять, которые встретили бы наши части на Термезском и Кушкинском направлениях. Но этого не произошло. Конечно, солдату обидно и стыдно за таких предводителей».

У трибуны стояло множество родственников, приехавших со всего Союза. В толпе увидели Надежду Петровну Старову — жену нашего комбрига. Рядом с ней утирает слезы Нугазама Фарвазова, она приехала из Челябинска, встречать сына Виталия, водителя бэтэра нашей бригады.

Мы стоим лицом к Амударье. За ней — афганская земля. Думаю:

- Неужели это момент истины!

Вспоминаются слова философа Николая Бердяева: «Прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет!»

Какое будет у нас будущее?

Митинг окончен. Первый секретарь Сурхандарьинского обкома партии С.Мамарасулов приглашает воинов на обед. В роще на берегу реки развернули праздничные скатерти самобранки двенадцать районов области. И у каждого свой фирменный дастархан. Солдат и офицеров потчевали золотистым пловом и прелестной бараниной, свежими овощами, сухофруктами и зеленым чаем.

У меня на всю оставшуюся жизнь осталось сожаление, что не успел попробовать эти лакомства. Как и положено начальнику я рассаживал своих голодных бойцов, а там уж и команда прозвучала: «По машинам!».

Глубокой ночью, четырьмя воинскими эшелонами мы начали движение со станций погрузки под Термезом. Шли, как говорится, под фанфары. На каждой железнодорожной станции нас встречали местные власти с приветствиями. Труднее всех пришлось первым двум эшелонам, им вообще не давали спать. В ночь полночь при подходе к населенным пунктам и станциям, блокированным ликующей толпой народа им объявлялось построение. И проводились соответствующие торжественные ритуалы: митинги, вручение хлеб-соль, цветов и т.д...

Уже рассвело, когда на одной остановке меня нашел мой однокурсник по СВВПАУ, а теперь заместитель областного военного комиссара области подполковник Юрий Чезганов.

Он извинялся:

- Олежка, прости, с первыми эшелона тебя встречал. Уже и надежду потерял, что увижу. Приготовил на встречу ящик шампанского, да выпили с вашими офицерами из первых эшелонов, и тебе не сохранил ни бутылки...

И вот ранним утром 20 мая родной для меня город юности Чирчик встречал нас музыкой военного оркестра. Такого радушия простого населения ни до того, ни после я не видел нигде. По накалу добрых чувств это можно сравнить с легендарной хроникой встречи первого эшелона из Германии в 1945 году.

В газете «Социалистический Чирчик» 21 мая 1988 г. был опубликован репортаж: «Солнечным и ярким было утро 20 мая в Чирчике. Тысячи и тысячи чирчикцев вышли на центральную улицу Ленина встречать воинов-интернационалистов, следующих в район постоянной дислокации. Мужественные лица, на гимнастерках ордена и медали, светятся радостью глаза. За плечами трудные дороги Афганистана, холодные камни перевала Саланг, барханы с высохшей колючкой. Цветами и улыбками встречают чирчикцы воинов — интернационалистов. На площади им.Ленина состоялся городской митинг, посвященный возвращению их на родную землю. Строевым маршем идут воины-десантники по площади, со всех сторон несутся приветственные возгласы чирчикцев. Девушки в национальных

нарядах угощают воинов хлебом-солью.

Митинг открывает председатель горисполкома Н.Ф.Шарипов:

- 15 мая 1988г. вступили в силу женевские соглашения по политическому урегулированию внешних аспектов афганской проблемы, - сказал он, - вы возвратились на Родину. Приветствуем вас, честно и мужественно выполнивших свой воинский долг, проявивших на деле высокие чувства интернационализма. Все мы сейчас внимательно всматриваемся в ваши лица. Вы молоды и красивы, полны энергии. Рядом с вами боевые командиры, прошедшие вместе с вами огненные дороги Афганистана. За это всем вам великая благодарность и земной поклон. Разрешите от имени горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, всех чирчикцев приветствовать вас в нашем городе, пожелать здоровья, счастья, свершения всех ваших желаний и больших успехов в деле созидания светлого будущего! Торжественный митинг объявлен открытым. Звучит Гимн СССР. Слово представляется Р.А.Попову, второму секретарю обкома партии.

- Вы с честью выполнили свой интернациональный долг, - сказал он, обращаясь к воинам-десантникам, - За вашими плечами остались трудные дни суровых испытаний. Одни из вас возвратятся к мирным профессиям, другие останутся в боевом строю. Вас ждут большие и трудные дела и ваша энергия нужна сегодня нашему делу перестройки, защите завоеваний социализма. От имени бюро обкома партии, облисполкома поздравляю вас с возвращением на нашу землю и желаю новых успехов в труде, боевой и политической подготовке. Воинов – интернационалистов приветствует председатель совета ветеранов войны и труда ПО «Электрохимпром» Х.М.Мирзаянов.- Мы, ваши отцы-участники Великой Отечественной войны, горды за ваш ратный подвиг. У нас нет сомнений, что нынешняя наша молодежь, в вашем лице, еще раз доказала, что защита социалистических завоеваний находится в надежных руках.- Долго мы ждали этого дня, - говорит председатель городского совета женщин, учительница школы № 12, К.М.Мурадова. – Сегодня мы встречаем вас, своих сыновей. И вот вы стоите перед нами, немало повидавшие, не по годам возмужавшие наши мальчишки. Это вы, не боясь пуль, выносили под свинцовым дождем с поля боя раненых товарищей, щедро делились своим армейским пайком с афганской детворой, восстанавливали взорванные мосты, сожженные школы и больницы. Нам матерям и вашим учителям, есть чем гордиться. Мы верим вам, ждем вас и рады приветствовать на родной земле. Под аплодисменты и приветствия участников митинга дети вручают воинам – интернационалистам цветы и подарки.- Дорогие матери и отцы, братья и сестры, дорогие наши соотечественники, - говорит участник боев в Афганистане офицер О.В.Кривопалов. – Трудно передать словами наши чувства, которые мы испытываем в эти счастливые часы пребывания на родной земле. Нам оказан радушный родительский прием. Спасибо вам за это. Воины нашей части, действуя самоотверженно и мужественно, вписали немало страниц в летопись Туркестанского военного округа. Но не все наши товарищи дожили до счастливой минуты возвращения на Родину. Они навсегда останутся в нашей памяти молодыми. Вечная им память. От имени воинов нашей части заверяю Коммунистическую партию, советский народ, военный совет округа, что готовы выполнить любое задание Родины. Обращаясь к воинам-десантникам, председатель городского совета воинов – интернационалистов М.А.Островский сказал: - Вы возвратились на Родину. Дни суровых испытаний и потерь остались позади. Пройдя через огонь сражений, вы научились крепче любить нашу Родину. Мы – воины - интернационалисты запаса можем с уверенностью сказать, что та моральная и физическая закалка, которую вы получили, очень пригодится. И мы хотим пожелать вам быть непримиримыми к тем, кто мешает нам жить и работать, к тем недостаткам, которые у нас еще есть. Н.Ф.Шарипов предлагает направить делегацию из числа прибывших воинов – интернационалистов и представителей общественности города для возложения цветов к могилам воинов – интернационалистов. На машинах делегация отбывает для возложения цветов. Митинг объявляется закрытым. Звучит Гимн Узбекской ССР. Снова звучат приветствия в адрес воинов-десантников. По площади Ленина проходят парадные расчеты полка. На несколько минут замирает площадь, а затем оглашается ревом

моторов – это десантники в походном строю на своих боевых машинах двинулись к месту дислокации. Чирчикцы радостными возгласами и цветами провожают колонну боевых машин. Цветы в руках у воинов, на броне машин. Через людское море и половодье цветов медленно идут машины. И не скрыть слез радости, улыбок, радости возвращения на Родину».

После эйфории встречи командование учебного полка разместило нас в полевом лагере за аэродромом, где был обустроен палаточный городок. Вот в нем то и начался процесс сокращения частей и откомандирования офицеров и прапорщиков, чьи должности в результате сокращения ликвидировались. Это был малоприятный бестолковый ритм работ, растянувшийся на месяц. Командиры и начальники вызывали на беседы подчиненных, уточняли их планы и личные желания, после чего оформляли проекты приказов и характеристики. Передавали в строевую часть штаба личные дела и документы. По мере накопления материалов кадровики везли все бумаги в Ташкент в штаб округа и сдавали их для принятия решений. Как правило, приказы не задерживались и большая часть офицеров и прапорщиков разъехалась по тем округам откуда их командировали в Афганистан.

Хотя полевой лагерь размещался на удалении от города, жизнь вокруг него кипела и днем и ночью. Тут же появились продавцы – из-под полы и втридорога предлагавшие спиртное, перекупщики заграничных товаров, смазливые девицы и женщины предлагавшие свои, древние как мир, услуги. Это общение приносило дополнительные хлопоты и проблемы. Через десяток дней медики доложили о первых пациентах кожно-венерологического отделения военного госпиталя. Головную боль доставляли лихие самовольщики, которых удержать в палатке было очень сложно. Дисциплинирует дело, а пустое ожидание, даже одобренное политзанятиями, беседами, массовыми мероприятиями и просмотрами кинофильмов, всегда демобилизует.

Однажды, малоприятный сумбурный ритм организаторской работы командира бригады и его заместителей неожиданно был прерван докладом дежурного по части начальником химслужбы бригады майором Анатолием Федоровичем Коробка, который после уставного обращения вдруг подошел к Старову очень странно и таинственно, как может сделать вновь прибывший посол предьявляющий главе государства свою верительную грамоту – протянул газету «Правда». На первой странице, которой под рубрикой «Награды - героям», сообщалось о вручении орденов Ленина и медали «Золотая Звезда» группе награжденных. Среди награжденных были: капитан Я.П.Горошко, генерал-майор П.С.Грачев, сержант Н.И.Кремениш, сержант Ю.Н.Миролюбов, младший сержант В.П.Синицкий. Эмоции захлестнули нас. Газету вырывали друг у друга и по очереди громко читали:

- А.Громыко заявил: «Сегодня в этом зале, стоят воины. Двое из них – офицер и генерал – на действительной службе. Трое - совсем недавно уволены в запас. Вам вручены награды в то время, когда начался вывод контингента советских войск, и наши солдаты возвращаются на Родину. А она высоко оценивает ваши подвиги, совершенные во имя мира.

- Дорогие товарищи! Все вы молодые люди - от сержанта до генерала – в возрасте от двадцати до сорока лет. Можно сказать с уверенностью, что впереди у вас вся жизнь. А живем мы сейчас в замечательное время великой перестройки. – Убежденно говорил А.А.Громыко.

Чувствовал ли Андрей Андреевич, что ошибается в этот момент?!

Как оказалась для многих из этих награжденных лучшая часть жизни осталась в Афганистане. Грачев стал министром обороны, который погряз в мздоимстве и преступной войне с собственным народом. К нему намертво приклеилась позорная кличка «Паша-мерседес». А сколько матерей и вдов проклинают его как главного виновника начала чеченской войны...

Наш однополчанин, Юрий Миролюбов, мечтавший стать офицером, вынужден был вернуться в разрушенное «перестройкой» сельское хозяйство и трагически погиб на окраине своего села.

Ярослав Горошко на волне квасного малороссийского национализма и бурных политических страстей повел себя таким свободолюбивым «мазепой» и потерял доверие у подчиненных офицеров Изяславской бригады спецназ. В связи с чем был переведен разведуправлением Украины начальником учебного центра ВМС и тоже трагически погиб в водах Днепра в 1993 году.

Но мы не могли тогда знать о своем будущем, поскольку простому смертному этого не дано, мы от души радовались за наших ребят, которые как поется в песне, - прославили десант! Надо сказать, что эта волна наградений только начиналась, и сотни солдат и офицеров получили свои ордена и медали перед строем бригады, здесь на благодатной узбекской земле.

В этот период у нас с командиром состоялось много памятных и приятных встреч и знакомств.

Из этой серии оказался приезд в гости бывшего командира Джелалабадского вертолетного полка полковника Валерия Васильевича Крушинина. Он стал старшим инспектором отдела боевой подготовки авиации сухопутных войск, и попав в Туркво, не забыл своих боевых товарищей. Состоялось доброе товарищеское застолье, сопровождаемое обилием воспоминаний и выпивки.

А в конце мая в Ташкентском аэропорту я встречал свою любовь – Галину, которая вместе с сыном Георгием прилетела ко мне на встречу. Дочь Машенька готовилась к выпускным экзаменам в школе и приехать не смогла. Сына я сразу заинтриговал рассказами об Афганистане и возможностью увидеть настоящую воинскую часть, которая должна была прибыть в город. Гошка ночь не спал, чтобы не проспать выезд со мной на станцию разгрузки. И его интерес был вознагражден. На рассвете следующего дня он лазил по побитой бронетехнике 7 батальона спецназ, крутил маховиком башню БМП и трогал боевые медали солдат, которые с ним возились. Эти и подобные им мгновения знакомства с армией и войной остались в памяти у сына на всю жизнь.

Возвращение очередной части не осталось незамеченным местными газетами:

«В день, когда очередная воинская часть следовала через наш город в район дислокации, было пасмурно. Колонна боевых машин на медленной скорости шла через город и цветы, подарки передавались чирчикцами из рук в руки, раздавались приветственные возгласы. На бортах машин надписи «Здравствуй, Родина!», «Мы выполнили свой интернациональный долг!», а сама броня машин испещрена вмятинами и царапинами от пуль. У многих солдат и офицеров боевые ордена и медали».

Вот так, 1 июня, нас догнал 186-й Шахджойский ооСпН 22-й бригады под командованием майора А.Е. Борисова. Алексей был моим сослуживцем по Пскову, и поэтому наша встреча была вдвойне радостной и полной воспоминаний. Как показало время, судьба отмерила Борисову очень короткую жизнь. Вернувшись домой, он вскоре скорострительно умер от обширного сердечного приступа. Его дело продолжил сын, окончивший Новосибирское высшее военное училище спецназ, и продолжающий службу заместителем командира роты по воспитательной работе в бригаде его отца.

Но встречи встречами, а где же наши два отряда? – задавали мы вопрос себе и командованию ТуркВО.

– Ведь наша бригада уже не вписывается во временные графики, и вышла не полностью!

Командование ТуркВО больше месяца держало от нас в секрете решение МО СССР о приостановке вывода двух отрядов спецназ. Как позже выяснилось, что резко изменившаяся обстановка в провинциях, покинутых частями спецназа, заставила командарма изменить первоначальное решение и остановить выход 668 и 177 отрядов нашей бригады в районе Кабула. Без них безопасность наших войск оказалась под угрозой.

В это же время, в середине июля, часть представителей от СССР и ООН находилась на Гератском направлении, через которое продолжали выводить группировку войск: 70-ю омсбр и 22-ю обрСпН из Кандагара и Лашкаргаха. Хотя к этому времени в МИД и миссию

ООН в Кабуле сыпались многочисленные жалобы о фактах нарушения Пакистаном международных соглашений. Основными из них являлись: оказание Пакистаном помощи афганской оппозиции в подготовке мятежников в учебных центрах и лагерях, их формирование и снаряжение, а иногда и прямое участие пакистанских военнослужащих в переброске вооружения и боеприпасов на территорию Афганистана.

После оголения афганской границы резко увеличилось количество перебрасываемых в Афганистан караванов с военными грузами. Только в сентябре — октябре 1988г. на территорию Афганистана прибыли 172 крупных каравана с оружием, предназначенных для активизации боевых действий против госвласти. Характерно, что переброски караванов и отрядов мятежников осуществлялись с разрешения пакистанских властей, которые выдавали специальные пропуска на автотранспорт и утверждали списки личного состава направляющихся в Афганистан. Для пополнения запасов стрелкового оружия и боеприпасов оппозиция переправляла в Пакистан захваченное у афганских частей тяжелое вооружение, которое она обменивала или продавала пакистанским властям.

По данным советских спецслужб, неоднократно отмечалась переброска мятежников, оружия и боеприпасов к афганской границе на автомашинах ВС Пакистана. Так, в конце сентября пакистанские военные доставили в район Парачинар из Пешавара около четырех тысяч реактивных снарядов, которые впоследствии были переброшены в провинции Кабул, Логар, Пактия.

После подписания Женевских соглашений руководство оппозиции при помощи властей Исламабада взяло курс на всяческое воспрепятствование процессу возвращения афганских беженцев на родину, привлекая для этого пограничников, отряды малишей и мятежников. Особенно частыми были случаи насильственных действий по отношению к беженцам в районах пограничных пунктов Ланди — Котал, Тери — Мангал и Чаман. Кроме того, в лагерях беженцев в Пакистане с ведома и при участии властей Исламабада была развернута активная пропагандистская деятельность по пресечению переселенческих настроений, вплоть до запугивания и публичных расправ. Поэтому, несмотря на усилия Афганистана по приему беженцев (развертывание сети палаточных городков, подготовка гостиниц, организация медицинского обслуживания и питания, выделение крупных финансовых средств в основном за счет безвозмездной помощи СССР), количество семей, возвращающихся из Пакистана, практически не увеличилось. При этом необходимо отметить, что около 80 процентов беженцев вернулись в Афганистан, минуя пограничные пункты. В этой ситуации, вспомнив эффективную боевую работу соединений спецназа ГРУ, командующий армии и член военного совета приняли решение о хотя бы частичном возвращении в Кабул командного состава 15-й бригады. Сначала в разведотдел армии был прикомандирован первый замкомбрига подполковник Кириллов, а затем меня вернули в Афганистан. Новым местом службы, согласно приказу, был определен политотдел 40-й общевойсковой армии в Кабуле.

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР

По личному составу

№ 0841
г.Москва

8 августа 1988года

Назначить:

Подполковника Кривопалова Олега Владимировича — начальником отдела пропаганды и агитации — заместителем начальника политотдела 40-й армии, освободив его от должности начальника политического отдела 15-й отдельной бригады специального назначения.

Министр обороны СССР
Генерал армии
Д.Язов

Во всем есть свой смысл. Был он, вероятно, и в этом приказе. Я позже не раз задумывался над этим:

- С чего вдруг меня простого офицера подняли на такой уровень?
- С какой целью это было сделано?
- Кого я должен благодарить за свое выдвижение по службе?

Как мне думается, командарм к тому времени изменил свое отношение к частям спецназа в лучшую сторону. И произошло это не сразу. Припоминаю, как на одном из военных советов мне было поручено выступить с анализом состояния воинской дисциплины в бригаде. Кому приходилось бывать на подобных совещаниях, тот знает, насколько это неблагоприятное занятие. У нас существовало даже такое вульгарное выражение «задницей гвозди дергать», то есть многократно подниматься с места время совещания во время критики в свой адрес.

Однако мне удалось найти аргументы в защиту наших военнослужащих, которые переносят неслыханные трудности, совершают самоотверженные поступки, дают результаты за армию, но в повседневной жизни остаются людьми со свойственными многим слабостями.

Командующий внимательно слушал меня, а потом прервал выступление вопросом:

- А вы думаете, в других частях армии солдаты не переносят таких трудностей?
- Трудно здесь всем, а вы можете оценить хотя бы трудности выхода в горы с грузом 40-50 кг за спиной? Не каждому офицеру такое довелось испытать, да и среди сидящих здесь руководителей подобное испытывали только командиры десантники и спецназа – ответил я.

- Говорить, мы все горазды, а вы сами то испытали? – раздраженно бросил Громов.

- Так точно, товарищ командующий я сам лично ходил в засады и знаю это на своем опыте с лейтенантской поры – ответил я напрягаясь и ожидая обострения.

Но Громов вдруг миролюбиво подвел итог:

- Во многом прав Криволапов, но я к 1 омсбр отношусь по – особенному, и спрашивать с вас полковник Старов, и с вас товарищ подполковник, буду строже, чем с других. Садитесь.

После этого, действительно, поблажек мы не получили, но лично мне командующий стал ставить дополнительные задания, которые порой не входили в круг обязанностей замкомбрига.

Все месяцы общения в Афганистане доверительные отношения ко мне проявлял и член военного совета генерал-майор Захаров А.И.. Забегая вперед, скажу, что по его рекомендации я попал в Днепропетровск в Киевский военный округ к командующему генерал-полковнику Громову.

Скажу честно, второй раз лететь в Афганистан мне было психологически легко. За свою первую, как здесь говорили, «ходку» я узнал очень много и теперь шел на все уже осмысленно. А самое главное в Афганистане была интересная настоящая боевая служба.

Стремительный полет и я опять в Кабуле.

На этот раз на аэродроме у самолета меня уже ожидал служебный Уазик, закрепленный за мной, с подчиненным мне офицером. Я по приезду сразу был размещен в приличных условиях: в отдельных апартаментах из двух комнат в модуле офицерского городка у подножья горы, над которой возвышался Дворец Амина. В этом величественном здании где все эти годы размещался штаб ограниченного контингента наших войск на третьем этаже мне был выделен кабинет.

В мои обязанности в частности входили: -анализ, обобщение и выработка предложений члену военного совета по идеологической работе; - связь с управлением пропаганды и агитации Главного политуправления СА и ВМФ; - обеспечение участия штатных пропагандистов в проводимых совместных идеологических мероприятий с афганской стороной; - руководство работой культурно-просветительских учреждений; организация ведение переговорного процесса по спорным вопросам; - организация международных пресс-конференций и встреч с общественностью и другие.

Новый коллектив встретил меня радушно. Большинство офицеров я знал по прежней службе, остальные слышали обо мне заочно, и все относились ко мне с большим почтением и уважением. Добрую память оставили о себе подполковники Зинченко В.В., Смолка А.П., Пинчук Е.А., Немчук Е.Ф., Щербаков А.А. капитан Шемейко П.А. С первых дней мне удалось наладить хорошие отношения с большинством офицеров штаба, управлений армии...

Это, без преувеличения, было самое лучшее время моей военной службы. Психологический комфорт в отношениях помогал все делать с первого раза. Все удавалось и ладилось. На первом совещании офицеров я почувствовал поддержку самого командующего генерала Громова, который, увидев меня, подошел, пожал руку и поздравил с возвращением в родную семью. А меня представил всем такими словами: «Это бывший комиссар Джелалабадской бригады спецназа, прошу всех любить и жаловать!»

- С вашими «архаровцам» работать моим подчиненным очень сложно, – говорил мне А.И.Захаров на первой инструктаже. – Как и прежде отвечать за них будете вы!

- Твои бандиты неуправляемые, – вторил ему менее дипломатичный замначпо полковник Бондарев, – Не надо мне рассказывать сказки про некую исключительность спецназа. Мы этой «исключительности» уже нагляделись. Если в Кабуле происходит какой скандал, значит опять спецназовцы бедокурят. В ваших двух отрядах больше всего потерь и подрывов за всю армию.

- Так они больше всех и воюют.

- Сброд это и разгильдяи, а не вояки. Вот посмотри десантную дивизию и сравни с вашей шайкой хулиганов.

Наша перебранка была прервана умным и сдержанным первым замом начальника политотдела армии полковником Иванушкиным. Подобные оценки спецназа я потом слышал от многих штабных работников и очень злился. Мне до головной боли приходилось ругаться, доказывая начальникам управлений и отделов штаба объединения, что наши малочисленные подразделения выполняют неподъемную задачу. В частности, на этот период, 70% периметра миллионного города Кабула были определены зоной ответственности для двух отрядов спецназ. А оставшиеся 30% периметра перекрывались 103-ей ввд и 108-й мсд. Яркий пример этой несправедливости, наблюдательные посты на горах Ходжа-Раваш и Ходжа-Бурга, были оборудованы отдельной разведротой 103-й дивизии, если мне не изменяет память в далеком 1980г., с них просматривалась местность на севере на глубину до 15 км, а также аэродром. На постах несли службу посменно в суточном режиме разведчики парашютно-десантных полков. По сути, это были сторожевые заставы, оборудованные как маленькие крепости. Такую поставленную службу наблюдения нельзя было называть разведвыходами, в отличие от наших бойцов, которые каждый раз искали новые места для организации наблюдения и засад. Находясь в постоянном движении, естественно, подрывались на минах, попадали под огонь противника и несли потери. На последнем этапе пребывания наших войск специальную разведку представляли два отряда и отдельная армейская рота спецназ. В 668-м отряде, что дислоцировался в городке штаба армии, произошла почти полная ротация командного и политического состава. В большинстве, сменщики пришли на повышение из частей 22-й бригады... Командиром отряда был назначен опытный офицер, выпускник 9 роты РВВДКУ подполковник Валерий Горатенков. Он мне понравился сразу своим тактом и интеллигентностью. Это был высокий, стройный, красивый человек с быстрой реакцией и железной командирской волей.

В 177-м отряде командирский состав остался почти прежний. Подполковнику Блажко был выделен приличный военный городок одной из частей недалеко от взлетно-посадочной полосы кабульского аэропорта. Впервые наши разведчики имели комфортные условия для жизни, сменив землянки и палатки на казармы модульного типа. Мы с подполковником Кириловым Н.Ф. регулярно бывали в наших отрядах на служебных совещаниях по разбору боевых действий, анализу и прогнозированию предстоящих

операций и текущим событиям. В этот период я особенно хорошо изучил стиль работы Анатолия Андреевича Блажко и высоко его ценил.

Конечно, как и требовал Старов, который звонил мне из Чирчика ежедневно, я старался в самых жестких формах наводить должный порядок в воинской дисциплине и требовал от командиров и политработников подразделений повышения эффективности воспитательной работы с личным составом. При этом, признаюсь, часто умалчивал от руководства армии о своих педагогических работах и вскрываемых фактах неуставных отношений, а также порой неадекватного поведения офицеров спецназа. Боевую деятельность отрядов контролировал Кирилов.

Используя широкие возможности своей новой должности, я часто направлял в отряды спецназ журналистов и съемочные группы центрального телевидения для подготовки репортажей и фильмов об афганской службе воинов-интернационалистов. Как показало время, это серьезно подняло авторитет наших войск, и более того в послевоенные фильмы об Афганистане всегда включают те кадры, что были сняты в наших отрядах спецназ. Перед выводом войск я добился награждения обоих наших отрядов Почетными Красными Знаменами ЦК НДПА, а отряда А.А.Блажко почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Влиял я и на кадровую политику в отрядах.

Главной особенностью моей службы этого периода были постоянные командировки по всему Афганистану. Выполняя приказы командарма и члена военного совета, я побывал в большинстве провинций страны. Для выполнения служебных заданий, связанных с инспектированием войск, проведения переговоров с местными руководителями, разбирательствами в конфликтных ситуациях, в мое подчинение выделялись разнообразные виды транспорта - самолеты, вертолеты, бронетехнику, автомобили. Мне повезло с водителем служебного Уазика, это был старший сержант В.А.Давиденко. Выше среднего роста, голубоглазый блондин, по темпераменту шустрый, энергичный паренек уроженец Белгородской области. Его наличие рядом со мной существенно облегчало мне жизнь. Он постоянно заботился о моем быте: получал на складе полагающиеся продукты, менял постельное белье, договаривался о времени посещения бани. Он в мое отсутствие прослеживал маршруты движения, и когда бы я ни прилетал из командировок (в ночь в полночь), он преданно ждал меня на аэродроме Кабула. Вместе с Володей, 7 января 1989 г. загрузив свой Уазик в Ан-12, я улетел в Шинданд на вывод войск западного направления. Откуда отправил его в составе колонны в Кушку.

Этот последний вечер пребывания в Кабуле, я провел в 177 ооСпН. Уже смеркалось, когда у аппарели военно-транспортного самолета мы с Анатолием Андреевичем Блажко выпили по 50 грамм коньяка, пожелав друг другу: «Чтобы за нас не пили третий!»

Финал

Вывод войск на зимнее время был спланирован нашими политиками неверно. Всю тяжесть ошибочности этого решения испытали на себе войска. Продвижение колонн в засыпанных снегом горах было очень сложным и опасным делом. Наши части несли неоправданные потери не только от моджахедов, но и от погодных условий.

По официальным данным за полтора месяца 1989 года только погибшими 40 армия потеряла более 60 человек.

На северном направлении хронологию движения наших частей можно описать так.

С 3 января 1989г. 350-й пдп под командованием подполковника А.В.Попова блокировал дорогу на северном Саланге, а 345-й опдп подполковника В.А.Востротина – южнее перевала.

18 января подразделения 317-го парашютно-десантного полка навсегда оставили королевский дворец в городе, в котором они располагались с 1980 года, и переместились на аэродром.

26 января, после окончательной передачи сторожевых застав, 3 пдб 357-го пдп был усилен дивизионом 152-мм 2С5 «Гиацинт» и принял охрану аэродрома, на котором в тот

момент остались только две вертолетные эскадрильи и части аэродромного обеспечения и обслуживания.

31 января определена последняя колонна: КП 103-й ввд, орр, часть батальона связи, артполк, обмо, 357-й пдп, орвб.

4 февраля в 4.00 последняя войсковая колонна советских войск покинула Кабул. В столице остались только батальонная группа на аэродроме и пограничники на охране советского посольства.

При прохождении Саланга колонна 357-го полка десантников попала под лавину. В результате разгула стихии был сметен в пропасть автомобиль «Урал» в кабине которого находилось двое солдат. Сержант из третьего самоходного дивизиона был затянут под днище САО 2С9 «НОНА» и получил смертельную рану головы. Были потери и в технике. Колонна смогла продолжить движение только к сумеркам, после того как бульдозеры расчистили дорогу. Пройдя тоннель остановились на ночлег прямо на северном Саланге. С утра 5 февраля части продолжили движение на Пули-Хумри и далее к границе...

6 февраля выведен на территорию СССР весь личный состав 668-й ооспН, под командованием подполковника В.А.Горатенкова. Его батальон прикрывал выход в Союз 47 отдельного ракетного дивизиона, который они же, в режиме большой секретности и вводили из Хайротона в Кабул осенью 1988г.

15 февраля границу пересекла последняя колонна 177-го ооспН подполковника А.А.Блажко. На броне разведчики вывезли тело последнего убитого командира группы спН нашей бригады старшего лейтенанта Олега Матакова.

Все видели не раз и не два повторяющиеся кадры вывода советских войск из Афганистана. Знамена на БТРах, идущих через мост, встреча командарма Громова со своим сыном, цветы... Но это все было в Термезе, а на западном направлении была своя история и своя неповторимая обстановка.

Вывод войск на Западном направлении осуществлялся двумя методами: по воздуху (перевезено - 5142 человека) и наземным путем (6986 чел.) 10 колоннами из 4 гарнизонов (Шинданд, Адраскан, Герат, Турагунди).

Всего выводилось 49 частей, общей численностью 11907 человек, 2016 единиц боевой техники, 45 боевых самолетов. Вывод осуществлялся по одному маршруту Шинданд – Турагунди, своим ходом. Для обеспечения организованного вывода войск была сформирована оперативная группа штаба 40 ОА, в количестве 31 человека от оперативного отдела, разведотдела, политотдела, управления вооружения, управления тыла, управления ВВС. Ее возглавлял генерал-майор Пищев Н.П.

Оставшуюся группировку советских войск представляли:

5 мсд, которой командовал полковник В.В.Андреев, начальник политотдела полковник Чистяков Г.И.;

274 апиб (авиаполк на самолетах МиГ-27) - командир подполковник В.В.Маркелов, начполитотдела полка подполковник А.И.Бесчеревных;

звено апиб (на МиГ - 23) - командир майор Савкин С.В.;

звено ошап (на самолетах СУ-25) - командир подполковник Сушкин Ю.Л.;

302 овэ командир эскадрильи - подполковник Емелин С.К.;

13560 обо (б-н охраны) - командир майор Нурмухамедов Т.Х., замполит майор Палкин С.Н.; обмо - майор Бунин В.О., замполит майор Кушнарев А.И.;

1770 орвб - командир подполковник Зарипов Р.Г., замполит капитан Тарковский В.А.;

отдельный медбатальон - командир подполковник Мищенко В.И., замполит майор Тараненко И.Н.;

военный госпиталь - начальник подполковник Халиков Ю.Н., замполит майор Кушнарев А.И.;

1377 оиптадн - командир подполковник Дроздов В.А., замполит майор Башкиров С.И.;

650 орб - командир подполковник Мауренко Н.Н., замполит капитан Воронин В.И.;

371 мсп - подполковника Ликомцева В.С., замполит подполковник Турлаков А.А.;

ОО КГБ - начальник подполковник Мусаханов Ж.С.;

101 мсп, где замполитом был подполковник Маслов М.И.;

1060 ап, где замполитом был выпускник СВВПТАУ подполковник Зыбин Е.А.

388 обс; 1496 оавтб; 105 оавтб; 1461 ортб; 1472 влк и другие.

Следует отметить, что в ходе подготовки и вывода частей Западного направления оперативной группе и командованию частей пришлось решать ряд ответственных задач, не предусмотренных планом командующего армией. Так, с 20.01. по 4.02.89 г. – разведбату 5 дивизии, совместно с оперативной группой армии и ВВС, пришлось оказывать помощь в принятии и разгрузке, охране имущества, боеприпасов, грузов для государственных органов власти в провинции Кандагар. (Об этом см. подробно в главе «Операция «Воздушный мост»). Всего было десантировано на аэродром Кандагара: 129 человек, из них 34 офицера, 3 прапорщика, 92 солдата и сержанта. Особенностью операции являлась большая активность авиации, оторванность десантированной группы 650 ОРБ от основных сил дивизии, самостоятельные действия личного состава разведподразделений в составе малых групп по всему периметру аэродрома, с целью охраны подступов к аэродрому, приему и распределению материальных средств и координации действий с командованием 2АК ВС Афганистана. В ходе операции особо отличились: командиры генерал-майор Пищев, полковник Дружинин, подполковники Мауренко А.И., Чесаков А.И., старшие лейтенанты Лазоренко А.А., Извеков А.В., а также политработники подполковник С.В.Громов, старшие лейтенанты Шебеко С.А., Дыба В.В., младший сержант Саидмуратов Х.Э.. По приказу командующего 40ОА все 129 военнослужащих «кандагарского десанта» были представлены к награждению орденами и медалями.

29 января для обеспечения безопасности при выводе основной группировки на блоки выделено дополнительно 818 человек из батальонов 371 и 101 мотострелковых полков. Одновременно сложнейшей задачей стала передача сторожевых застав и сторожевых постов афганской стороне. В зоне ответственности 5 мсд их было 163 (45 застав и 118 постов), в режимных зонах Шинданд, Герат, Турагунди их количество составляло 137 (соответственно 28 застав, 109 постов). На самом маршруте движения колонн 17 застав и 9 постов. Согласно приказу и временному графику наши подразделения сдавали заставы и посты афганским военнослужащим со всем вооружением. Часто это играло негативную роль. Припоминаю, как ночью с 29 на 30 моджахеды подвергли обстрелу обширную территорию мест дислокации 5 мотострелковой дивизии. При этом, как показало расследование, обстрел осуществлялся из наших гаубиц Д-30, которые накануне были переданы афганским войскам. Никаких серьезных мер воздействия мы предпринять не могли, так как были заняты подготовкой к выводу, и, выполняя решение вышестоящего командования продолжали и далее вооружать «зеленых». После этого обстрела, утром 30.01. по актам были переданы афганцам еще 10 сторожевых застав.

К вечеру этого же дня, из Кушки преодолев перевал Рабати – Мирза, на котором в этот день был сильный ветер при температуре -7 градусов, снегопад и гололед, пришла автоколонна 424-го оавтб (автобатальон) в/ч пп 19920 полковника Геннадия Рудометова. Ко мне пришел его замполит майор Владимир Юдаев и доложил:

- Благополучно доставлены 543 тонны авиационных боеприпасов для Шиндандской авиабазы афганских ВВС. Во время марша особо отличился старший колонны замполит автотранспортной роты батальона капитан Баяндин.

- Владимир Алексеевич, а Баяндин не Василием Николаевичем зовут?

- Василием. Он из десантников, - ответил тот.

- Это мой бывший замполит 154 отряда. До января 1988 года девять месяцев прослужил в Джелалабаде. Как он сейчас служит? - спросил я.

- У нас с командиром батальона о нем очень хорошее мнение. Боевой офицер, правда, немножко резкий и развязный в поведении. Но смелый мужик, я был бы рад, если бы таких офицеров у нас было побольше.

- Он оказался жертвой антиалкогольной компании, – пояснил я Юдаеву, - Будучи в командировке в Кабуле встретился с друзьями и за товарищеским ужином крепко выпил. В нетрезвом виде набил физиономию одному законченному негодяю, а когда тот привел в

модуль военный патруль, то вытащил пистолет «Стечкина» и чуть не застрелил пострадавшего. Утром приказом командующего армией Баяндина сняли с должности. Мы еле уговорили начальника штаба генерала Грекова, чтобы парня в Союз не отправляли, а назначили с понижением в Афгане... Я не знал, что он у вас служит. Передайте ему привет от меня.

- А еще у нас недавно вручена медаль «За отвагу» капитану Голубеву вашему бывшему замполиту роты из Асадабадского батальона, - сказал Юдаев, - будет минута, постараюсь организовать для вас встречу с ними.

- На перевале условия просто адские, как пойдет основная колонна, не знаю. Нас это очень беспокоит, - сказал на прощание замполит батальона.

Для обеспечения войск на период с 1 по 8 февраля в районе перевала был развернут сборный пункт поврежденных машин (СППМ) от в/ч пп 93986. Начальник пункта капитан Роман Керницкий и начальник эвакуогруппы старший лейтенант Юрий Михалевич со своими подчиненными с задачей справились, проявив личное мужество и высокий уровень профессионализма. За указанный период они оказали техническую помощь и отбуксировали через перевал более 80 автомобилей и бронесредств. Настоящими героями, уходящими с перевала последними, были солдаты и сержанты эвакуогруппы, назову их поименно:

Старший сержант Хамитов Сергей Фавильевич, татарин. Водитель Маза-537, в течение трех суток без сна и отдыха ремонтировал поврежденный танковый тягач и восстановил его для работы.

- Рядовой такелажник с громкой русской фамилией Теркин Василий Иванович отказался от госпитализации в связи с болезнью гепатитом до полного выполнения задач эвакуогруппой. Так и проработал все это время с посеченным снежной крупой лицом, помороженными конечностями и температурой.

Украинец рядовой Гусачинский Виталий Яковлевич, водитель Маза-537, попал под обстрел мятежниками в минуты загрузки на платформу танка. Проявив хладнокровие и выдержку, не поддавался панике и выполнил задачу.

Таджик рядовой Хасанов Исмаил Абдуллаевич, водитель БТС. В течение всех восьми суток находился на самом перевале и обеспечивал буксировку застрявшего транспорта.

Такелажник, немногословный литовец Алексеус Сигитас Броневиц, продемонстрировал пример добросовестного отношения к порученному делу. Он лично погрузил и оттранспортировал за перевал более 50 машин.

Помимо погоды нервозную обстановку создавали и регулярные происки оппозиции.

6 февраля около 11.30 южнее Герата в районе элеватора (уезд Гузора) 2 разведывательная рота под командованием старшего лейтенанта А.Лазоренко подверглась обстрелу реактивными снарядами и стрелковым оружием. В ходе боя отличились ст.сержант А.Скрыга, рядовые А.Пилипенко, Ю.Жовнерик.

8 февраля в 9.50 в 2 км. севернее Герата шестью снарядами была обстреляна огневая позиция 2 батареи 101 мсп. Ранение получил комбат капитан Листовский А.К.

Почти у самой советско-афганской границы (в 15 км южнее Турагунди) была обстреляна колонна тыла в/ч пп 51883. В ходе боя топливозаправщик Урал-4320 (водитель рядовой Болиев Ильхон) получил повреждения переднего колеса и лобового стекла. Раненый солдат увеличил скорость, включил подкачку воздухом пробитого колеса и вывел машину из под обстрела.

Происходили и нелепые случаи, характерные для того времени. Как я уже писал, вывод колонн сопровождался не только наблюдателями от ООН, но и представителями средств массовой информации. В частности, в этом районе работали советские журналисты Виктор Верстаков и Петр Силантьев, а также из американской компании NBC Артур Кент, операторы Стивен О Нил, Энтони Купер и продюссор Кевин Бишон. Их группа 10 февраля пересекла госграницу с машинами трубопроводного батальона и неожиданно была подвергнуты тщательному досмотру. К великой радости туркменских таможенников у

Энтони Купера были обнаружены и изъяты 800 советских рублей купюрами по 50 рублей. Вот уж было шуму то - контрабанда! Хотя эти деньги нельзя было считать очень крупной суммой, эта сумма равна трехмесячному денежному содержанию советского подполковника того времени. А журналист поменял свои зеленые на расходы в Кушке. То есть, это выявление не оказалось крупной удачей, но продемонстрировало, что таможня бдит службу. В основном же спецслужбы, пограничники и таможня специализировались на изъятии трофейного оружия. Я припоминаю особенно громкий скандал подобного плана, разразившийся в августе 1988 года на Кушке, когда у командира 70 омсбр, и начальника политотдела бригады (кстати, моего однокашника по СВВПТАУ Эполетова) в ходе досмотра обнаружили трофейные пистолет и револьвер.

В феврале началась интенсивная переброска войск на территорию СССР.

Свой 39-й день рождения, я отмечал в хлопотах подготовки и выводу колонны в 235 единиц техники. На строевой смотр личного состава убывающей части приехал крупный чиновник – член военного совета – начальник ПУ войск южного направления генерал-лейтенант Кочкин Г.В. Во время знакомства с личным составом с его стороны произошла нелепая выходка, которую запомнили многие. Обходя строй, генерал вдруг начал бранить сопровождающего полковника командира части:

- Вы совершенно не готовы к маршу! Смотрите, у солдат даже каски не покрашены!

- Какой бред? – схватились мы за головы, - и каски, и оружие, и обмундирование у солдат и офицеров - все имело потрепанный и поцарапанный, не раз, порванный и перештопанный вид. Но ведь это не парадная рота, а боевая часть, кстати сказать, впервые собравшаяся в таком количестве после передачи застав и постов, которые они занимали всю афганскую войну.

Ситуацию спас генерал Захаров, который вмешался в разговор и вместе с командиром дивизии увел ворчливого проверяющего в штаб соединения.

- Это же надо, как он далеко находится от народа? – отреагировал на замечание генерала выпускник СВВПТАУ подполковник Валерий Анатольевич Кудрявцев. – Вместо того, чтобы воодушевить бойцов, поднять настроение и пожелать удачного марша, какие-то нелепые ефрейторские придирки... Крики и ругань. Стыдно. Еще так же себя ведет командующий войсками Южного направления генерал армии Зайцев.

- Что им делать в Баку нечего?

- Чего они ведут себя так в войсках?

Я вспомнил Зайцева – высокий и крепкий, в камуфлированном комбинезоне с неременной золотой звездой на груди, он не гнушался вмешиваться даже в мелкие дела.

Справедливо об этом говорил Громов:

- Многие из прилетающих в ДРА военачальников интересовались лишь размещением частей, питанием и тому подобными вопросами. Кое-кто из них никогда не принимал участия в реальном бою. Поэтому свое время пребывания в Афганистане они нередко посвящали проверкам заправки солдатских кроватей, тумбочек и наличию тапочек. Если же они появлялись в районе боевых действий, да и то лишь на несколько часов, то интересовались, почему отсутствует громкоговорящая связь между руководителем боевых действий и командиром батальона или артдивизиона и тому подобное. Одно дело, когда они, находясь в Союзе, проводили показательные занятия или учения. У них там стояли полированные столы, дорожки были аккуратно посыпаны песком, солдаты ходили в выстиранной и тщательно выглаженной форме. В Афганистане же был другой интерьер.

- Поэтому меня нередко смущали те вопросы, которые задавали прилетавшие военачальники....

Неудивительно, что, как показало время, в результате подобных действий начальников «не воевавшего» поколения в выведенных частях на территорию СССР, или в частях принявших военнотружущих «афганцев», стали создаваться очаги взаимной нетерпимости, регистрироваться отдельные нелепые случаи неадекватного поведения военнотружущих. Лучшими вариантами из которых были массовое увольнение в запас. А

спектр побудительных причин, толкающих военнотружущих на решительные действия, вплоть до сведения счетов с жизнью оказался достаточно широким. Это и личные проблемы, и трудности адаптационного периода, и неудовлетворенность условиями службы, а порой и притеснения со стороны сослуживцев и начальников. Характерно, что высоким оказался процент таких случаев в среде младших офицеров. Здесь явно просматривались психические отклонения: неярко выраженная невротизация, психопатия. Находясь в обычной боевой среде, человек привык и жил без всяких обострений, а в условиях тяжелейших испытаний мирного «демобилизационного» периода происходили сбои. Трудности вывода оказались серьезным психологическим стрессом, который смогли выдержать не все. Вроде бы радостное событие – возвращение на Родину, а у отдельных лиц психическая реакция на событие оказалась неадекватная. Очень жаль этих молодых людей, ставших последними жертвами той войны.

Не покраску касок и порядок в тумбочках надо было проверять нашим военачальникам, а подумать о реабилитационных мероприятиях.

Умершие на Родине в мартиролог Афганской войны не попали...

Итак, 2 февраля, первая колонна из Шинданда вышла к границе и пересекла ее в районе г. Кушка. С ней по приказу генерала Пищева убили в Турагунди и первые 7 офицеров оперативной группы.

На 5 февраля 1989 года из Шиндандской группировки самолетами были отправлены в СССР 5142 человека. А к утру 6 февраля весь воздушный эшелон Шиндандской авиабазы вылетел в Союз на аэродромы Калай-мор, Мары и Ташкент. Наших летчиков в этом районе больше не было.

До 12 числа основная наземная группировка передислоцировалась на север.

12 - один день - вывода войск не осуществлялось.

К этому времени на броне артиллерийского полка я завершил свой последний марш по заснеженному Афганистану в Турагунди. Всю дорогу я сидел в люке старшего машины, и на своей шкуре испытал все «прелести» зимнего выхода войск. В районе перевала наша колонна была обстреляна, и убили одного солдата (к сожалению, я забыл его фамилию).

В Турагунди, товарищи, приехавшие раньше нас, подготовили нам места для ночлега и главное - баню. Мой одноклассник по училищу, замполит артиллерийского полка подполковник Евгений Алексеевич Зыбин взял шефство над моим бытом и обеспечил продуктами и чистым бельем. В тех условиях это братское внимание много значило.

13 вышел 3 батальон 101 мсп из Герата. 14 февраля пересекли границу тыловые части и перевальная база. На ночь остались только два батальона 2 мсб 371 мсп и 650 орб.

Приближался последний день войны!

...В последнюю ночь на 15 февраля 1989 года погода испортилась окончательно - разыгралась сильная метель. Остро врезалась в память совершенно заиндевелая овчарка, сидевшая на броне одного из БМП между передними люками. Ни ветер, ни мороз не могли согнать ее внутрь машины. Она была на службе, она была на посту.

Так вот этих, в прямом смысле, фронтовых друзей бойцам приходилось оставлять на границе, на ее афганской стороне. Таковы были суровые правила пограничного карантина. Брошенных же на афганской земле собак ждала верная гибель. Причем очень скорая. Дело в том, что афганцы ненавидели наших собак. Те отвечали им взаимностью, издав отсюда специфический запах тела и одежды, готовы были разорвать каждого в клочья. И вот теперь у границы афганцы безжалостно убивали из автоматов оставленных нами верных псов. Их предсмертный вой был укором нам. Тогда я ощутил впервые обескураживающее чувство подлого предательства. Теперь оно не покидает меня все эти годы, но тогда пришло впервые. Неужели ничего нельзя было сделать, позаботиться заранее о наличии ветеринаров на границе, специального контроля и т.д.? Насколько мне известно, только командир 177 отряда спецназ подполковник Анатолий Блажко сохранил своего пса, спрятав внутрь машины, и, пользуясь привилегией последнего боевого охранения полевого штаба Б.Громова, сумел незаметно вывезти его в Союз и отправить в Самарканд, к своим родителям.

В последней ночной вакханалии нарастающей злобы на нас и страха перед моджахедами, которые уже подошли к Шинданду, Герату и Турагунди, буквально на наших плечах, афганские солдаты палили из всех видов оружия.

Наблюдая за тем, что творилось, я уже тогда начал понимать, - ничего и никому не было нужно. Никому не нужны были судьбы афганских солдат, так же, как потом никому оказались ненужными судьбы наших солдат и офицеров, прошедших Афганистан. И началось это именно тогда, в последние дни и часы той войны. Помню, как равнодушно раздавались солдатам и офицерам памятные часы от министра обороны...

А последние боевые награды?

Даже члену военного совета армии генералу Захарову так и не вручили орден Красной Звезды. Через девять лет (!), после его раннего ухода из жизни, семью боевого комиссара стали «искать», для того, чтобы вручить запоздалую награду от Президента СССР...

А в тот день, на рассвете 15 февраля 1989-го, мы, как будто, предчувствовали, что вступаем в темную полосу истории. Прозвучала команда: «Заводи», - махнули флажками регулировщики, открылся шлагбаум, и головная машина, в люке которой под развернутым Боевым Знаменем стоял замкомандующего 40 общевойсковой армии генерал-майор Пищев, въехала... Последним в колонне советских войск, как и положено, выходил наш 650 отдельный разведывательный батальон.

На небольшой территории Кушкинской таможни собралась большая группа советских и иностранных журналистов для того, чтобы запечатлеть этот, действительно, исторический момент. Но кино и фотосъемки разведчиков не удалась. Был такой сильный снегопад, необычный для этих мест, что даже прекрасная японская видеотехника не смогла качественно заснять выход последней колонны.

Да для нас это было и не самое важное... Так в долгожданную среду 15 февраля 1989 года закончилась для нас эта война. Формально закончилась, для истории.

На митинге в Кушке, что состоялся на вертолетодроме, выступили: начальник штаба дивизии подполковник Владимир Валентинович Варенников; замкомвзвода минометной батареи 371 мсп старший сержант Николай Щербина, представленный к ордену Красной Звезды; отец водителя комендантской роты А.Слепцова подполковник запаса Слепцов Виталий Стефанович, приехавший из дома встретить своего ребенка.

Поздним вечером, уже в Кушке, мы собрались за товарищеским столом, который ломился от вскрытых банок тушенки и различных паштетов, что заранее подготовил политотделлец подполковник Смолка, разлили в кружки водку. Выпили за то, что остались живы, помянули погибших товарищей. Мы пили и не пьянели. Не верилось, что завтра разлетимся в разные стороны навсегда.

Я сердечно поблагодарил своих коллег за службу и сказал: - Мне кажется, мы будем вспоминать эти годы, как лучшие в нашей жизни!

Потом я не раз слышал что-то подобное и от многих. Ведь это было время, когда каждый из нас чувствовал свою незаменимость, нужность Родине и товарищам.

17 февраля глубокой ночью я прилетел на военном самолете АН-12 в Ташкент. На аэродроме было очень холодно, хотя в столице Узбекистана снега, как в Кушке, не было. Взяв на плечи свою парашютную сумку с нехитрым скарбом, я смело сошел по трапу на родную узбекскую землю. В Ташкенте и Чирчике меня ждали встречи с друзьями: со Старовым, Муратовым и Серзиным. Впереди была встреча с любимыми и дорогими людьми.

В Пулково, в толпе ожидающих меня дорогих людей смотрели прекрасные глаза моей подруги Галины, держащей в руках громадный букет красных гвоздик. «Аленький, вот ты, наконец-то, и вернулся!» - услышал я от нее.

Рядом с ней стоял стройный офицер Виктор Дмитриевич Грушко, мой верный и преданный дальневосточный друг. Так распорядилась история и судьба, что он провожал меня в Афганистан в Москве. Он и встречал из Афганистана, на этот раз в Питере!

На душе было радостно от чувства выполненного долга и одновременно тревожно от мысли, - что же ждет впереди?

А впереди нас ждала новая и, как оказалось, совсем не мирная жизнь. Особенно это касалось офицеров, ибо почти все солдаты, прошедшие войну, были уволены в запас к лету 1989 года. Не прошло и десяти месяцев, как в январе 1990 года отряд родной 15-й Чирчикской обрСпН вновь ушел на войну, но уже на территории СССР. Разведчикам поручили осуществлять блокирование и охрану коммуникаций в Азербайджане, охваченном национальной ненавистью.

Снова пули летели в тех, кто думал, что навсегда забудет их свист после афганской войны, в тех, кого так неласково встретил Союз эпохи «демократических преобразований».

Наверняка, покидая Афганистан, они не могли себе представить, что в них снова будут стрелять, и что до их ушей вновь долетит клич джихада. А полковнику Анатолию Блажке выпадет судьбой вынести со своими разведчиками 2 обрСпН еще две войны на Северном Кавказе, которая длится, будет столько же, сколько шла афганская война...

Несмотря на прожитые после этого годы, и то, что афганская эпопея навсегда ушла в историю, в наших сердцах и жизнях она продолжается до сих пор...

О.В. Кривопапов

Опубликовано на сайте: <http://www.rsva-ural.ru>